

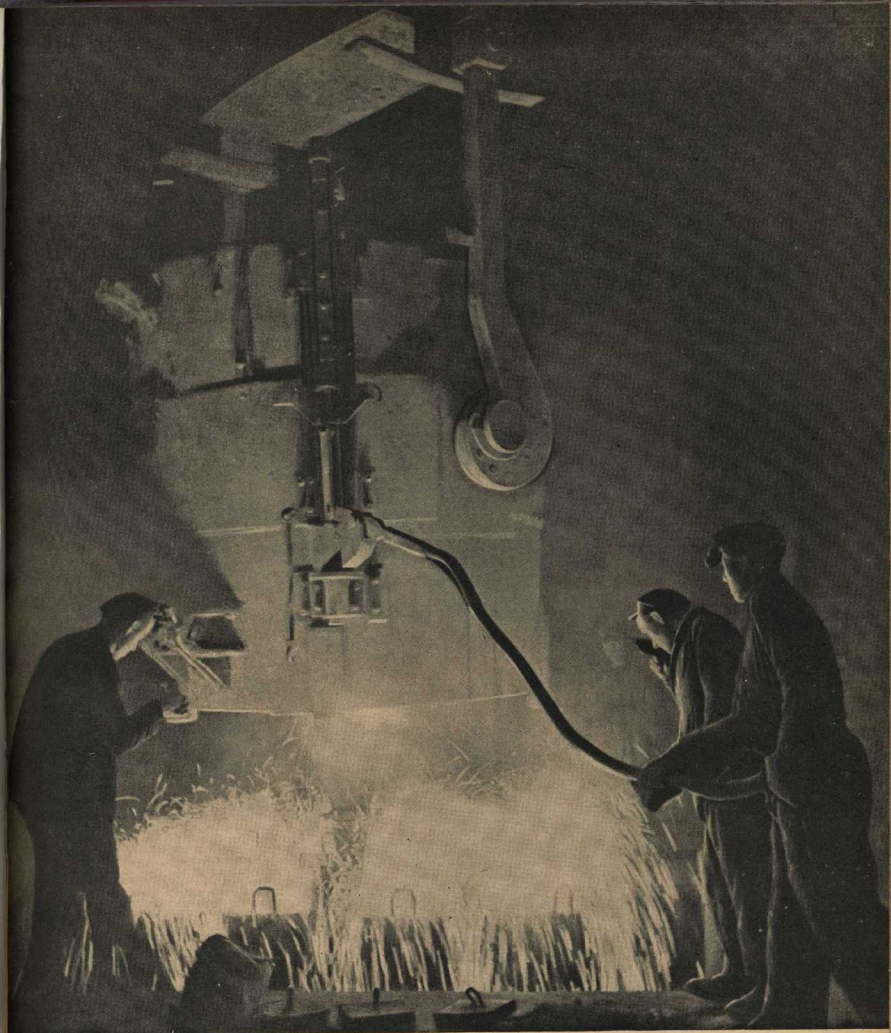

СМЕНА

3-4
1946

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

№ 3—4
Февраль 1946 года

ПАМЯТИ

ДАВНО, В САМОМ НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ, когда чужь брезжия расцвет политической жизни России, когда еще совсем верилось, что грим революции, которая сметет царское самодержавие, мы — революционеры социал-демократы, — встречаюсь друг с другом, часто затевая разговор о матери Владимира Ильича Ленина, уже тогда признанного нашего вождя.

Скруды и открытости были эти сведения, но мы знали, что это, владыка, трепетно следит за своим сыном: ведь один, старший, уже погиб от руки плача в горделивом и самоотверженном единоборстве с всевластным царизмом. Что должна была она думать и чувствовать теперь, когда и этот, второй, ее любимец, пошел твердой поступью по стезе неутомимой борьбы с царизмом, со всеми угнетателями рода человеческого?

Она цела была у братьев Ульяновых. Разными дорогами шли они к ней. Старший — Александр Ильич — вступил в борьбу один на один. Младший — Владимир Ильич — во главе огромного коллектива, им же созданного, во главе нашей коммунистической партии.

ЧРЕЗВЫЧАЙНО Я ПЫТАЛСЯ РАССПРАШИВАТЬ домашних Владимира Ильича о его детских годах. Старшая сестра — Анна Ильинична — любя возвращалась к воспоминаниям детства, в которых всегда рассказываю о маленьком Володе и ней самой тесно переплетались с рассказками о их матери — Марии Александровне.

Мария Александровна была дочерью врача — первого врача в городе, ставившего превыше всего выполнение своего долга. Ее молодые годы прошли в деревне, в очень простой, почти спартанской обстановке. Исцеля свои знания она страстно тянулась к знаниям и не только жаждала о том, что смогла получить лишь домашнее образование.

Она была замечательным педагогом и всецело отдавала себя воспитанию детей. Много времени занимало у нее ведение домашнего хозяйства. Последнее представляло значительные трудности, так как большая семья жила на очень скромные средства.

Мария Александровна обладала необыкновенно твердым характером. Особенно отчетливо это проявлялось в дни тяжелых испытаний, выпавших на ее долю.

Душая и нежная мать, Мария Александровна тем не менее была противницей казенного домашнего обучения и потому приучала детей к труду, дисциплине, четкому и осознанному выполнению своих обязанностей.

В семье существовал порядок, при котором дети сами себя осуживали. Девочки следили, чтобы и у них и у мальчиков все было зашито и заштопано. Поатели каждый должен был опрывать сам. За ободом дети шили и ели все, что подавалось на стол. Оставать на тарелке не полагалось. Особая забота отца, Володи, обладавшего прекрасным аппетитом и высекавшего того, кто вяло ел.

— Ишь ест, как воз с сеном в гору везет! — приговаривал он. Это сравнение Володя взял из жизни, он не раз видел, как крестьяне с трудом везли в тяжелом нагруженными возами от пристани парома на Волге по крутой горе в горабор.

Мария Александровна чрезвычайно внимательно относилась к своим детям, особенно к своим детям, затем и историком. Когда вечером собиралась вся семья, она с тер-

По личным воспоминаниям

пелым вниманием вслушивалась суждениям и рассказам своих детей и принимала близкое участие в их делах. Ближайшим единением с родителями оставалось самое светлое, радостное воспоминание у всех детей Марии Александровны и Ильи Николаевича Ульяновых.

Чрезвычайно владуя западными языками, Мария Александровна хотела, чтобы и ее сыновья и дочери свободно говорили на них. Поэтому она требовала, чтобы один день все объяснялась с ней и между собой порусски, другой день — по-французски, третий день — по-испански. Это очень помогало изучению иностранных языков. Владостетия Владимир Ильич овладел кроме того еще английским, итальянским и польским.

Владимир Ильич, как и другие его братья и сестры, всегда с большим уважением и любовью относился к своей матери. Ее слово было для него законом. Он выполнял самым тщательным образом все, что она говорила ему. Вообще пример и влияние матери на него были весьма значительны.

ГРЯНУЛА РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА.

Ленин неслабо переехал в Россию. Прогрессивист и через два дня опять ушел в подполье. Такова была «свобода» тех дней. Открыто жить таким людям, как Ленин, постоянно и беспрерывно участвовавшим в политической борьбе, в организации сил для завоевания настоящей свободы, было невозможно, и ему, конечно, пришлось вскоре снова уехать из Петербурга, где жила его мать и сестра. Мария Александровна только космолала видела своего сына и вновь надолго разлучилась с ним. Владимир Ильич уехал сначала в Финляндию, а потом эмигрировал за границу.

В России начался период страшной реакции. Чины охраны рыскали повсюду, производя обыски, разгромы, уничтожая остатки революционных организаций того времени. Угрозам наполнялись арестованными. Политических отправляли в Сибирь, в ссылку, на поселение, на каторжные работы... Многих и многих казнили, расстреливали, вешали. Разгута темных сил царизма был ужасен. Не только вести политическую работу, но даже встречаться друг с другом было нелегко, ибо никто никогда не знал, что ждет его в следующую минуту. Нередко можно было нарваться на засаду, попасть в ловушку. Но меня всегда тянуло пойти к сестре Ленину — Анне Ильиничне, — где жила и мать Владимира Ильича. Всегда хотелось посмотреть на них, поговорить с ними, хоть что-нибудь узнать о Владимире Ильиче. Приветливая Мария Александровна понаа нас чаем, и в свою очередь расспрашивала, нет ли каких сведений, о Володе. Не пришла ли кто-нибудь, не было ли писем? И все с величайшей радостью старалась рассказывать все, что знала о ее сыне, который для нас был любимым и озабоченным, другом, жондлом, а для ней, матери, — прежде всего ее «Володя».

И наслаивались и наговорившись, она, маленькая, худенькая, все свитившаяся густой морщинами и пальцами, — она, родала, открывала его и, как бы забывавшись и уносась далеко-далеко в своих думах, начинала тихо играть, хорошо

играть печальные мелодии классической музыки, так гармонированные с ее настроением. Мне всегда надиралась душу и сердце, плавно божественно изред старческих рук бедной, истраждавшей женщины. Мои души всегда в такие минуты уносили меня к маме и в суворым годам пришлое столетия, к казематам Петропавловской крепости, где погиб от руки плача тот, память о котором, как мне казалось, истергала из сердца матери эти печальные, плавно божественно мелодии.

Окруженная огненным колыбелью этических преследований, она одна, безмерно любящая своих детей, стояла на страже их благополучия, зная, отличил зная, что все они — и сыновья, и дочери, и зять — готовы отдать себя за ту манишку идею борьбы, за которую один уже сложил свою бунину, честную голову, пойти на какие угодно страдания, лишения и жертвы, лишь бы восторжествовало дело, в которое они глубоко верили.

Все они активно участвовали в борьбе за свободу в нашей стране, в борьбе за социналистическую революцию. Мать одной из самых революционных семей в России, она, страдая и мучаясь муками любящей матери, гордилась своими детьми, среди которых были возмужавшие и развилась тот, кто отмечен судьбой в века.

ПРИШАЛИ ГОДЫ СТРАШНОЙ КРОВОАЙ

империалистической войны 1914 года. Бурная жизнь кипела и уносила людей в беснующий дух, восторжествовала и семья Марии Александровны.

Утром, часов в шесть, слышу телефонный звонок. Несомненно, что-то тревожное.

— Вы можете ко мне прийти? — слышу я слымый, старческий голос. «Кто это? — думаю. — Вытиски, да ведь это Мария Александровна...»

— Конечно, сейчас, сию минуту! — говорю я, а сам не решаюсь спросить, что случилось.

— Приходите поскорей, пожалуйста, поскорей — чуть-чуть звучит в телефоне — мамя пропала...

— Да что вы! — спешу сказать. — Нет, она жива-живехонька. И только вчера получила письмо от жены: она ее встретила на фронте.

— Не может быть... — слышу радостный всплеск повелевательного голоса.

— Уверю вас... — слышу ответный голос.

— Да нет же, Мария Александровна, и письмо принесу... —

— Буду ждать... Поскорей, поскорей... —

— Ну-ну, беги... —

И действительно побежала ранним летним утром к Марии Александровне, ясно представляя себе, как она перетревожится за эту ночь... Звоню.

Она сама отвечает. Пятна яркого румянца на осунувшемся, худеньком лице подчеркивают ее душевное воление.

И читаю ей письмо жены. Она успокаивается и завет испытующие вопросы. И повелевая ей поспешить, затем на конверте, и она вдруг добро улыбается и ласково благодарит меня за принесенную весточку.

Она сама вот я все ночь не спала, всё о маме думала. Причудилось мне, что с ней несчастье...

И повела меня пить чай с тёплыми баранками. Я с удовольствием рассказываю Марии Александровне все, что знала о ее дочери, о том, где она встретила с мо-

Мария Александровна Ульянова.

ей женой, которая работала врачом на фронте: сколько верст от фронта: грозит ли ей опасность от немцев: может ли она попасться в плен и вообще о всех стратегических возможностях и расположении наших и немецких армий, конечно, в самой непосредственной связи с местопребыванием дочери. Обсудив все эти военные вопросы, я твердо обещала Марии Александровне сообщить решительно все вести, которые я буду получать с фронта. На этом мы и расстались.

БЫСТРО ЛЕТЕЛИ ГОДЫ, И ВОТ наступил час, когда не стало Марии Александровны. Она умерла от воспаления лёгких в руках у Анны Ильиничны.

Кротко и тихо болевая Мария Александровна.

— Я знаю, что более не встану... Силы покидают меня, — говорила она мне, когда я поим её с ложечки кофе. — Я всё думаю о маме Володе. Не пришлось увидеть его мне. Ему мой привет, всею мою любовью! — и слёзы навернулись у неё на глаза.

— Мамочка, не расстраивайтесь! — говорила старшая дочь, еле сдерживая рыдания. — Мы все с вами, и Володя с вами, и все мы любим вас!..

Она тихо угасала. Вскоре её не стало. Мы два телеграмма Владимиру Ильичу и в Женеву и дочери на фронт. К похоронам они не смогли приехать. Владими-

ру Ильичу была запрещён въезд в Россию. Дочь находилась где-то далеко, и телеграмма отсылала её только через нидею.

Похоронили мы Марию Александровну на Волковом кладбище в Петрограде. Война разметала многих из нас, товарищей и друзей Ленина, в разные стороны. Пришли на похороны те, кто находился в это время в Петрограде.

В гробу она была такой же добротравающей, как и в жизни: худенькая, мнеленькая, со спокойным и ясным лицом. Мы вдвоём с мужем дочери отнесли её на руках из церкви, где её отпевал кладбищенский священник, до могилы, опустили гроб и бросили первые комья земли, глухо и жутко застучавшие о крышку. Быстро насыпали песчаный холм, украсили его живыми цветами, которые она так любила. Грустно понурил головы, в полной тишине постояли мы у этой святой дая нас могилы и пошли!..

НАСТУПИЛИ ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ 1917 года. Самохранение было уничтожено. Наконец, и Владимир Ильич приехал в Петроград из далёкой Женевы. Его бурно и торжественно встретили массы рабочих, матросов, солдат, интеллигенции.

Прошёл первый вечер и первая ночь: митинги, речи, призывы, воспоминания. Наступил первый день свободного пре-

бывания Владимира Ильича в Петрограде.

Он позвонил мне и просил приехать автомобилем. Первый его визит был на Волково кладбище, на могилу матери.

Бесед сдерживая, всегда владевший собой, Владимир Ильич не проявлял никогда, особенно при посторонних, задушевности своих чувств. Но мы все знали, как нежно и чутко относился он к матери, и, зная это, чувствовал, что троиника на Волково кладбище, к мясному могильному холмику, была одной из самых тяжёлых дорог Владимира Ильича.

Скорбно, тихо, молчаливо подошёл он к могиле в сопутствия жены, окружённой сестрами и другими родственниками. Вавоговеей остановился Владимир Ильич возле могилы, сел на скамью, низко наклонил голову. Благим, взмолнованный, сосредоточенно стоял он так, полный тум.

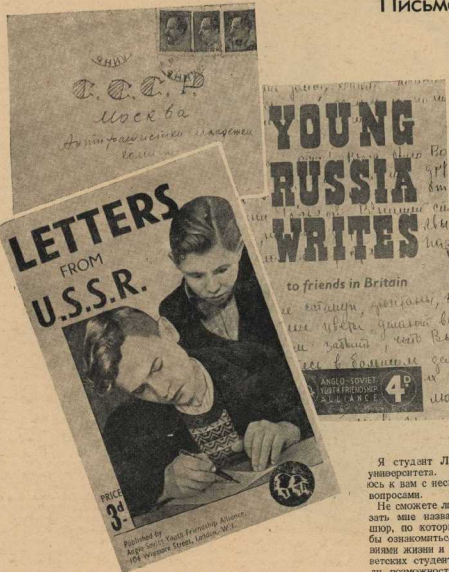
— Мама, моя мама!.. — чуть слышно прозвучало.

Сестры тихоенько плакали. Было глубоко трогательно смотреть на Ленина — гиганта мыслей и воли, — так переживающего это могильное свидание с матерью, которую он нежно любил.

Низко-низко поклонился он дорогой могиле и отошёл. Сестры и родственники возложили на могилу живые цветы, и все тронулись за Владимиром Ильичом, сейчас же покинувшим в Таврической дворец, где его ждали товарищи по партии!..

ЗДРАВСТВУЙ, НЕЗНАКОМЫЙ ДРУГ!

Письма из-за рубежа

Со всех концов земного шара приходит в Советский Союз письма, адресованные в Антифашистский комитет советской молодежи. Это письма друзей, желающих завязать переписку с юными и девушками нашей страны. Письма приходят от школьников и рабочих, студентов и молодых учёных, от членов самых различных организаций и людей самых различных мировоззрений и политических убеждений. Все они проявляют большой интерес к Советскому Союзу, внесли огромный вклад в дело разгрома фашизма.

Антифашистский комитет советской молодежи позволяет зарубежным друзьям написать связь с молодежью нашей страны. Специальный отдел ведает перепиской, переправляет письма и направляет их по адресу.

Мы публикуем выдержки из нескольких писем, присланных в СССР за последнее время.

От РЕНЭ ДЕПРЭ
32 rue de l'Isere, 32 Ang. Льен.
Париж.

Товарищ!
Как старый партизан, бывший заключённый лагера Лахуа, я хочу поблагодарить вас от всего сердца так же, как и ваших коллег, за замечательные радиопередачи. Когда мы слушали вас, нам становилось легче на сердце; в тяжёлые дни оккупации ваши пламенные слова ещё больше разжигали нашу ненависть к фашистским захватчикам.

Я студент Льежского университета. Обращаюсь к вам с несколькими вопросами.

Не сможете ли вы указать мне названия брошюр, по которым я могу ознакомиться с условиями жизни и учёбы советскими студентами? Есть ли возможность установить связь, как между группами студентов, так и между отдельными студентами наших стран? Вообще было бы очень хорошо, если бы можно было наладить постоянную переписку между молодежью Бельгии, Франции и СССР, — это помогло бы нам лучше узнать друг друга теперь, когда нас объединяет Всемирная Федерация демократиче-ской молодежи. Скажите также, выпускаются ли в СССР студенческие журналы и можно ли их получить заграницей?

Заканчивая письмо, я ещё раз хочу подчеркнуть своё восхищение мужеством и патриотизмом советской молодежи, являющейся для тысяч молодых коммунистов, ярким светом в нашей борьбе с фашизмом. От своего имени и от имени комсомольцев Льежского университета прошу вас передать советской молодежи нашу самую горячую благодарность за тот громадный вклад, который она внесла в дело разгрома гитлеризма.

В ожидании ответа примите, товарищ, мой братский привет.

От БРЕНДЫ ДЖ. СТУУ
54 Кинстон Роуд, Нортемптон-Англия.

Студенту
Дорогой мой русский друг!
Пишу вам с самым добрым чувством и глубокой преданностью и надеюсь, что письмо моё послужит основой нашей дальнейшей дружбы. Велика ваша страна и наш маленький остров выкован узми дружбы и взаимопонима-

ния, и величайшим желанием моего народа является то, чтобы эти узлы оставались крепкими и чтобы в них не было ни одного слабого звена. Вам, вероятно, интересно узнать, кто с такой горячностью пишет вам. Тогда слушайте. Мне 16 лет. В августе этого года я окончу среднюю школу, а потом поступлю в драматическую. Моя первая мечта — стать актрисой, а вторая — побывать в Москве, увидеть этот чудный город, о котором я так много слышала. Надеюсь, что Москва не слишком пострадала в борьбе за свободу и справедливость.

Я очень люблю спорт, больше всего — плавание, греблю и велосипед. Я собираю пластинки с записями классической и современной музыки. Одна из самых дорогих для меня пластинок — это советский гимн в исполнении Крау-нозменного ансамбля и оркестра Большого театра. Жаль, что мелодия британского гимна не так красива.

Теперь, когда фашистская чума уничтожена, мы — Британия, Россия, Америка и другие наши доблестные союзники — должны очистить умы немецкой молодежи от следов этой заразы.

Ваша и наша молодежь должна сделать всё возможное, чтобы следующие поколения не знали страданий и не потеряло всего, что завоевано нами. Мы прекрасно понимаем, что если бы не доблестное сопротивление Красной Армии во время осады Сталинграда, мы, англичане, оказались бы под властью нацистов. Мы так много перенесли совместно, мы плечом к плечу смотрели в лицо смерти и потому теперь должны ещё больше крепить нашу дружбу и стремиться установить возможно большее взаимопонимание между нашими народами.

Может быть, мы с вами встретимся когда-нибудь и в дружеской беседе раскроем, как много у нас в действительности общего. До свидания, мой славный товарищ. Прощайте! Вам свою любовь и сердечные пожелания. Протнем друг друга руки и будем всегда вместе идти навстречу будущему.

Ваш искренний друг
Бренда Дж. Стую

ОТ КОЛЕТТ ЖОБАР

Союз французской республики
нашей молодежи. Национальный
комитет Европы молодых де-
путатов. Париж. VII. Бульвар Кур-
сель, 50. Франция.

Дорогой друг!

Сегодня вечером я испытываю необходимость поведать вам всё, что значит в моем сердце после великого собрания, с которого я уехала — сегодня 21 января. Мы отметили 22-ю годовщину со дня смерти Ленина.

Зад был слишком мал, чтобы вместить всех людей, съездивших в походного до от-крытия. Волонтерств и восторженной была обстановка собрания. Я думала, что там, в большом и далеком Советском Союзе, народ был лучше сказать, все народы объединились, чтобы вернуть память того, кто остался вождем народом всего мира. И, слушая рассказ о жизни Ленина и те драгоценные наставления, которые он нам оставил, я чувствовала гордость за себя и всех тех, кто разделяет созданные им учения.

Лучшие дружеские пожелания
Колект

ОТ ЛЮЦИНЫ СОБКОВЯК

Польша, Познань.

Школьницам Сталинграда

Дорогие незнакомые подружки!
Я пишу вам письмо из Познаня — города, ле-жащего далеко от вас. Не разделяет расстоя-ние больше двух тысяч километров. Но это

«Праздничная Москва».

Акварель худ. А. РОМОДАНОВСКОЙ.

расстояние чувствуется только на карте, а в этих сердцах оно гораздо меньше.

Я знаю, что ваш родной город прославился героической обороной. Ваши бойцы своим героизмом спасли Европу от полного уничтожения немецкими захватчиками.

Наш город также сильно разрушен немцами. Но сейчас мы уже свободны, и город начал восстанавливаться.

Верю так, что мы будем вечно благодарны вам, а также вашим воинам, которые освободили нас.

Шлю сердечный и дружеский привет из далекой Познани.

Люцина Собковик

От Федерации Коммунистической Молодежи Алжира.

Алжир, 8, улица Ба-Аунд.

В Антифашистский комитет советской молодежи

Дорогой друг!

Через наших делегатов во Всемирном совете молодежи мы получили ваш адрес и, желая установить связи с молодежью Советского Союза, снیمем вам. Мы хотели бы поставить вопрос о переписке между молодежью наших стран. С этой целью мы бы прислали адреса тех, кто хочет переписываться.

Ждем скорого ответа. Примите, дорогой друг, наши братские приветствия.

От имени секретариата

Х. Алей

От Хантера Джорджа Дафф

88 Бейдженг Стрит, Ньютаун, Сидней, Австралия.

Дорогой товарищ!

Надеюсь, что вы заинтересуетесь международными вопросами. Не могу сказать, чтобы я исключительно занимался вопросами политики, но как члена австралийской коммунистической партии она мне интереснее. Только вступив в партию, я понял, насколько интересна Россия и другая страна тесно связаны с благополучием моей страны.

Война завершилась победой, и после войны вы в вашей стране опять сможете строить планы на будущее; и нас же это невозможно: никто не может сказать, к чему мы стремимся, как мы будем идти вперед и что произойдет в дальнейшем.

О себе могу рассказать следующее. Я молодой человек 21 года, холост, живу с матерью и младшей сестрой. Мы бедны — и потому житья я не могу. Мать не могла бы жить без моей поддержки, так как отец умер пять лет тому назад.

Не имею ни малейшего представления, пишу ли в комитет или делунки, поэтому ли гражданскому лицу, а хочется поскорее узнать.

Я член молодежного клуба. Я знаю, что в вашей стране уделяется большое внимание молодежным организациям, и потому мне хотелось бы, чтобы вы поделились со мной опытом клубной работы.

У вас к женщине не относятся так хорошо, как у нас: они получают заработную плату меньше мужчин за одну и ту же работу; и серьезной работе их не допускают; ответственные посты им не доверяют, так что у вас пропадает много талантливых и способных людей не только из-за классового различия, но и вследствие нашего невежества.

Вот также положение вещей, которое защищает капитализм и против которого я борюсь. Полагаю, что и в России бывает затруднения и существует бюрократизм, но у вас такая система, которая позволяет вам коренным образом исправлять ошибки.

Если у вас есть сестра или брат, то расска-

жите мне о них. Если я покажу ваше письмо моему друзьям, то уверен, что многие из них будут писать вам и вашим товарищам.

По профессии я механик, работаю на железной дороге, главным образом на паровозах. На этом занятии. Хочу надеяться, что вы согласитесь вести со мной переписку.

Предыдущий шаг

Хантер Джордж Дафф

От Душана Милошевича

1-я чета Сербской народной милиции, Ваджириня, Шабац, Сербия, Югославия.

Советскому рабочему

Дорогой товарищ рабочий!

Это письмо тебе пишет один молодой воин югославской армии. Я счастлив, что у меня появилась возможность поделиться со всей остальной молодежью нашу молодежную неделю.

Теперь, во время празднования молодежной недели, мы стараемся как можно больше помочь пострадавшим районам.

Прими много сердечных поздравлений от товарища

Душана Милошевича

От Евгения Стейскаль

Прага XIII, Стражнице улицы 271/25, Чехословакия.

Товарищ!

Не сердитесь, что бы я вас беспокою. Я хотел завязать связи с некоторым членом русские молодежи, у которого интересе о Чехословакскую республику. Я тоже в Союзе чешской молодежи, который был организован, когда освобождала Прагу наша славная Красная Армия. Я тоже член Союза Друзей СССР, который нас ознакомит с нашей родиной. Я люблю очень русский народ и нашу музыку. Я пишу, если бы хотел, что-нибудь из молодежи со мною переписываться, напишите мне его адрес или пусть он мне напишет сам на адрес: Евгений Стейскаль, Прага XIII, Улицы Стражнице 271/25, Чехословакия Республика.

Я знаю, что в письме ошибки, потому что я не учую долго русский язык. Я уповаю, что бы вы понимали.

С братским приветом ваш Евгений Вячеславович Стейскаль.

От Салли Термэн

814 Занад, 59-я улица, Канада Сент. Миссури, США.

Дорогой сэр!

Я считаю, подобно миллиону других людей, что для достижения длительного мира люди должны лучше понять и почитать друг друга. Особенно же важно, чтобы русские и американцы разрушили лежачие между ними преграды неведения.

Потому мне бы хотелось, если это возможно, переписываться с русским юношей или девушкой (желательно в возрасте 15—19 лет), которых бы интересовал этот обмен мнений и взаимных интереса.

Я была бы очень благодарна вам, если бы вы передали моё письмо какому-нибудь лицу или организации, заинтересованном в переписке с американцами.

Заранее благодарю вас за любезное рассмотрение моей просьбы.

Искренне ваша

Салли Термэн

От Ивана Горанова Петрова

С. Тоналовен, Ок. Кулежа, Обл. Врачанска, Болгария.

Дорогие товарищи!

Не могу выразить словами бурную и возросшую радость, которую я испытываю теперь, в тот момент, когда пишу письмо вам, славным воинам бесстрашных борцов, мужиков и героев за освобождение от рабства и бесправия.

Не могу не испытывать волнения при мысли, что мое письмо будет прочтено молодыми сыновьями и дочерьми героического народа, несущего заложной иек за историческую победу над проклятым наемным фашизмом.

Дорогие товарищи! Вы, может быть, мало знаете болгарский народ, а особенно нашу молодежь, но я уверю вас, что мы знаем о вас много. Ведь нас не один раз вдохновлял наш героизм в моменты трудностей и испытаний, и мы вас любим и чествуем себя близкими, как родные братья. Мы учимся у вас и идём по вашему героическому и победному пути.

И теперь, когда братство всех народов является необходимым в борьбе против надвигающейся реакции, мы хотим завязать отношения, особенно с вами, как объединяющим центром всего прогрессивного чество человеческого сообщества. Это связь лучше всего осуществляется посредством писем, как средством для сближения и обмена мыслями и опытом, а особенно для взаимного ознакомления с бытом, характером, идеями и борьбой двух братских народов.

Я со своей стороны напишу вам о своём народе, как он является двенадцатилетнее фашистское рабство, и об его освободительной борьбе. Я напишу о своём селе, как оно живёт и работает в условиях полной собственности, напишу о своих товарищах, организованных в боевую организацию «РМС», и, наконец, о том, как я попал в возрасте пятнадцати лет в фашистскую тюрьму, где провёл три чётных года. Мне сейчас девятнадцать лет, и я продолжаю своей превращение образование.

Товарищи, если среди вас найдётся один-два желающих переписываться, то я готов вести с ними регулярную переписку. Пропну вас, напишите мне. Я буду очень счастлив, если получу ответ.

Примите тысячи приветств от моей семьи, моих друзей и от меня.

И. Горанов

А. ВЕЛИЧКО

ЧЕЛОВЕК НА ЛЕСАХ

Дыхание весны уже почувала наша земля. На юге пробиваются сквозь прошлогоднюю траву крешеники, последние, а у синего моря цветут нежные мимозы. Поведа поставляет на север цветы юга, но скоро и здесь уже верба выбросит тонкие и кажущиеся прозрачными молодые побеги с серебристым пушком почек. Скоро в предутренней тишине будет слышно, как над полями и лесами таяса летят дикие гуси и где-то высоко в небе кричат журавли.

Весна! Она всегда радует сердце. И особенно сейчас, ибо это первая послевоенная весна. В её дыхании мы слышим молодое и сильное дыхание нашей земли, над которой уже не падают замес вывети и мстели военных лет. Весеннее настроение переживает сейчас каждый; и мечты о будущем, и стремление к прекрасному, и глубокая вера в свои силы, и жажда деятельности ощущаются необычайно ярко. Так и гнутся руки к молодым и сильным побегам: срочи нам это жадное стремление набираться сил, расти и крепнуть.

Весенний ветер запевает на лесах наших строев свою песню-здравицу. Дух захватывает от такого ветра! Ветер он над широкими просторами, напованными запахом набухающих почек, смолнивших с терпким запахом свежесрубленной сосны, пенящейся извести и дыма котлов.

Строй! Вся страна в лесах. Везде слышно «строй!» поймают в нашей стране смысле. Все наши люди — строители своего будущего; и каменщики, и кузнецы, и сталевары, и ткачи, и заводчики, и архитекторы, и инженеры, и учёные... Общими

усилиями восстанавливается то, что разрушено врагом, создаётся новое. Стройм!

Сильна жажда деятельности. В Москве на одной из построек можно увидеть, как по лесам быстро ходит штукатур Григорий Хололошенко. Настолько быстро ходит, что, притукая к работе, он прежде всего смотрит, хороши ли подмости и можно ли ему пройтись по ним без оглядки и опаски. Паутины не раз слышали его слова:

— Мне некогда смотреть под ноги. Мне спотыкаться нельзя! В работе я горяч, и, чтобы за соколом поспеть, я на ногу должен быть лёгким.

И он лёгок на ногу так же, как спорювет на руку. По словам Хололошенко, чем больше он делает, тем веселее у него на душе, и работая, он так увлекается своим делом, что даже не замечает, устал ли или не устал. Только бы ничто не мешало, не задерживало, не выводило из темпа, из ритма движения. Тогда ему легко.

В его руках играет сокол. А что такое сокол? Инструмент старый, но затейливый, доковский. Это маленькая олопточка для разбрасывания по стене раствора штукатурки. Но этой маленькой олопточкой он как-то за восемь часов переброевал шестнадцать тонн раствора. Такой ритм его гудит.

Он работает тем же инструментом, что и до войны. Вернувшись, он опить поднимал на аса, и всё было как будто так же, как и прежде. Однако не совсем так. Теперь-то ведь сам Хололошенко не тот, что был. Напористость, мужественность, смелость, выносливость — вот те качества воина, с которыми он пришёл на леса. И не только

это. Он стал воинствующим строителем. Там, на фронте, он сражался с теми же духом разрушения, он видел, как онаящее дыхание этого чудовища превращало в руины то, что создавали такие же люди, как и он. Две силы столкнулись в этой войне — дух созидания и дух разрушения. Первый победа. Григорий Хололошенко вышел из битвы не только с сознанием своей силы, но и с сознанием своего долга отныне и вовек не дать чудовищу поднять извергающую намя голову. А для этого — на леса, выше поднять багряные социализма! Отныне Григорий Хололошенко — воин-строитель.

В звене штукатурки Григория Хололошенко работают такие же демобилизованные красноармейцы, как и он, — Рыбонкин, Худяков и Волышков. Качество у них те же и стремления те же. Их подвиги на лесах известны сейчас многим. За смену они выполняли и двадцать две и двадцать три нормы. Так велик их боевой забор в труде.

Рекорды ленинградского каменщика Андрея Куякова, украинца Ивана Рахманина и сибиряка Семёна Максименко общезвестны. Они соревнуются и ведут за собой десятки тысяч других каменщиков. И, так же как у штукатурки Григория Хололошенко, чем больше они делают, тем веселее у них на душе.

В октябре прошлого года Рахманин писал Куякову, что он вызван на соревнование его звено — довести укладку за смену до сорока тысяч кирпичей вместо полутора тысяч по норме. «Жу тысто отведь, — писал он, — Желая ещё больших успехов в восстановлении Ленинграда. Жму руку».

С ответом Андрей Куликов не замедлил. Вот си: «Дорогой товарищ Рахманин! Сердечный привет тебе из Ленинграда от моего звена и всех строителей, восстанавливающих дом № 4 по улице Гоголя. Этот дом, разрушенный фашистской бомбой, находится в центре города. Два недели назад мы начали класть стены и за это время уложили 136 тысяч кирпичей. До города Ленина дошла твоя призыв из дремлого Киева, товарищ Рахманин. Вызов принимаю...»

Прошло десять дней. В газетах появилось сообщение о том, что звено Ивана Рахманина уложило за смену 40 000 кирпичей. Сдержал своё слово и Андрей Куликов. В их соревнование включился Семён Максименко. И вот через месяц из Новосибирска пришло поручение всех строителей известное звено Максименко уложило за смену 121 300 кирпичей. Для этого пришлось доставить к рабочему месту 28 вагонов, груженных кирпичом, и 228 тонн раствора. Спустил ещё месяц Семён Максименко сделал невиданное: его звено уложило за день 178 700 кирпичей.

Что это? Как назвать то, что совершили Богатырские подвиги? Трудовой героизм? Сделано так много, что, кажется, и этих слов мало. Есть, правда, одно, возмущающее и ослепляющее каждого из нас, простое, точное и гордое, как боевой клич, слово «Строим!»

Уверенно бьётся пульс страны. Энергия прибывает. В этом году войдут в строй новые электростанции и будут восстановлены старые, разрушенные немцами. Уже на Зугресе начался монтаж гигантской турбины в 100 тысяч киловатт, изготовленной Харьковским турбогенераторным заводом. С пуском этой турбины будет полностью восстановлена мощность электростанции, разрушенной врагом до основания. В Азербайджане, на берегу Куры, сооружается гидроэлектростанция, которая уступит только довоенной мощности Днепротреста. А Днепротресте возникает из руин во всем своем величии. После весеннего наводнения работы на Днепре примут новый размах, и к концу года будет пущена первая турбина. Огни Днепротреста засияют вновь в ярком созвездии огней социализма. Энергия прибывает. Строим!

Строим домы и мартены. Уверенные руки превращают остывшие развалины в пылающие печи, камни оживают в наших руках. Максимум удалось пока вернуть к жизни одну мартовскую печь и один прокатный стан, но в недалеком будущем начнут плавить сталь ещё четыре мартена, заработают ещё четыре прокатных стана, и горючие вылетят первый чуток из домы. Такие же вести идут из города Сталино и Мариуполя, Днепротрестовка и Енакиеве. Строится новые мартены в Мариупольской и Челябинске, Закавказье и Узбекистане... Металлургия крепнет. Строим!

Строим новые автомобильные, инструментальные, станкостроительные заводы. Одна за другой восстанавливаются шахты Донбасса. Создается новый нефтяной район вблизи Грозного: одна скважина даёт уже по десяти тонн нефти в сутки, закончено бурение ещё четырёх скважин. Поезда мчатся по новым и обновленным путям: в прошлом году было проложено и восстановлено свыше тысячи километров железнодорожных путей, а в этом году удлинит их ещё на четыре с лишним тысячи. Далеки пути-дороги нашей страны: есть где набирать скорость движения вперёд...

Человек стоит на лесках и видит, как поднимаются жёлто-оранжевыми совами молодые побеги, как в первом цветении хорошеет наша земля... Весна, весна! Весёлый ветер запевает на лесках свою песню-званицу...

Рассказ

Итак, это был конец простой и печальной истории. По тому, как женщина и девочка были одеты, как тяжело было им нести дорожные вещи, я понял, что они здесь последний раз, что они уезжают.

Я заметил как до своего окна еще до того, как они подошли к трамвайной остановке. Когда, задержавшись у нового сквера, разбитого на месте их дома, женщина огляделась вокруг медлено и безмолвно, и поняла, что она прощается. Да, дома уже не было, но остались те же старые, зацветающие сейчас акacia вдоль тротуара, тот же пышный аширийский фасад старинного дома напротив, та же почта рядом с ним, тот же газетный киоск на углу. Я видел, как женщина сказала несколько слов и как помрачнело лицо девочки. Я, наполюнувший глухой старик, глядевший на них через окно из закрытого окна третьего этажа, знал слово в слово всё, сказанное женщиной.

— А поминишь, как ты выгнала, хлопнув дверью, чтобы встретить здесь папу, когда он возвращался с работы? — сказала она дочери, и на слове «папа», вероятно, дрогнув ее голос.

И я тоже помню это. Я отчетливо помню лицо высокого худощавого человека; у него была манера поднимать левую бровь. Все дни, сила у окна, я гурьдился над своими листками «Суздальского великокняжества». Когда глаза мои уставали, я снимал очки, скрывающиеся старческую дальновидность. И в эти минуты отделил и не раз видел их всех троих вместе на улице.

А потом началась война. Подобно тому как я читал истлевшие грамоты по немногим уцелевшим слогам, мне было ветрено строку за строкой читать и ту обиходную историю, о судьбе главных действующих лиц которой я мог судить по их положению у трамвайной остановки между нашими домами.

Только одно мог обозначать в то июньское утро рассказ за его простой и долгое-долгое объяснение. Теперь лишь в ней одной выгнала девочку, встречая её после работы.

Таким же образом я узнал об их отъезде в эвакуацию. Через месяц, в одну из ужасных ночей, я увидел, как в безмолвном и слепящем сиянии поднялся на воздух их дом—грохот пришел позже, вместе с хлынувшей темной.

Когда опасность миновала, я начал ждать возвращения женщины и девочки. Разбивка была уже отгнана далеко от города, и при взгляде из моего окна казалось, что на улицу вернулись все покидавшие её обитатели. Не скрою, я несколько чаще, чем нужно, снимал очки и, кажется, наёл некоторый ущерб истории Суздальского великокняжества.

И я дождался—она пришла. Не нужно было быть ни особенно зорким, ни особенно мудрым, чтобы разглядеть и понять выражения лиц лиц: развалины дома были для женщины и девочки ещё не самым страшным.

Потом иногда одна, иногда с девочкой, выгнувшись и похуеивая, она появлялась на углу, нависавшая на столбы акаций листки, вероятно, с новым адресом, заходила на почту. Некоторые время четвертушки бумаги бегали навстречу и безнадёжно на голых, серых столах. Через несколько дней их срывал ветер или смыл дождь. И если она одна без девочки выходила из двери почты, то прежде, чем уйти, с мучительно-напряженным лицом стояла несколько мгновений у серой стены. Так прощались осень и зима.

Весной на месте разрушенного бомб дом устроили сквер. Это была чудесная зелень. Но я так привык угадывать мысли маленькой женщины, что меня тоже озорбили свежие газоны, слишком желтые дорожки, слишком алые цветы.

Я не могу точно сказать, что именно в лицах женщины и девочки, в их походке или, может быть, в пальце убеждало меня, что жизнь здесь, в новых условиях, у чужд людей, трудно и становится всё труднее. Когда окончилась война, когда у них не осталось никаких надежд, они решили уехать. И теперь они стояли со своим неизменочелювными покатками на краю тротуара и ждали трамвая.

Красно-жёлтый бок вагона закрыл их от моего взора. Это четвёртый, вокальный, номер. Если они уедут с ним, они уедут в седьмой, мигловской пассажирский поезд. Вероятно, это уже старшая принуда: мне стало ясно до самого оттого, что и не знаю, куда они едут.

Когда трамвай ушёл, их не было на остановке. Слова едва видели нестройный сквер. Мне было больно смотреть на него, и, как шпонт, я закрыл глаза толстыми стеклами очков. В

них я вижу немощно дальше своего носа или уж слишком далеко: а них и újra истёртые буквы пергамента и расцвет и угасание Суздальского великокняжества.

Но сегодня мне не помогли ни очки, ни желтоватые. Первый раз за долгие годы моей жизни она, эта летовка, оказалась мне спущеной. Глаза мои застлало, и я полез в карман за ватком. Когда я снял очки, чтобы прогнать тёмбу, мой взор упал на сквер, на улицу, и я вылезал так быстро, так стремительно, как давно уже не делал этого. Кресло со скрежетом откатилось назад.

На трамвайной остановке стоял тот человек. И сразу узнал его. Я увидел его как затоптанного поноши и помятую фуражку, его чуть приподнятое плечо оттого, что он опирался на палку. Вздернутая левая бровь теперь казалась трагической над бесконечными, безнадёжно испущенными опорами газетам.

Мне очень трудно вспомнить, какие мысли промелькнули у меня в голове за это короткое мгновение. Первая—сколь-нибудь связная мысль была о мигутах, которые протекли с момента их отъезда. Никогда столетия в моих представлениях не были так полновесны, как эти двадцать минут.

С другой я увидел, что человек ещё стоит на противоположном углу. Но он мог уехать быстро приближающимся к остановке вагоном. Я перебежал мостовую. Звонок вылез за самой моей спиной.

Я удержал капитана за локоть, когда он, прихватив палку помылку, влезал за поучени вагоном. Он удалилось оглянулся на меня. И тут, когда, наконец, нужились слова, я не мог вымолвить ни звука: я заглянул, я слышим отвали бегать. Всё-таки он отпустил поноши. Должно быть, его остановило моё лицо. Трамвай покотился, звени и грохотал.

— Нам нужна «четвёрка!»—выдохнул я наконец.—На вокзал. Ваши толки что уехали туда.

Он отшатнулся от меня. Люди стояли вокруг нас, прислушиваясь. Из-за угла выкатился ещё один вагон. Это была «четвёрка».

— Веди нас, конвоиере, живи!»—крикнул я.—Веди нас вместе жёну и дочку.

— О..—только сказал он, и мне не нужины были слова—столько боязни предаться надежде почувствовать я в этом звуке. Да я ничего не почувствовал. Я услышал только трамвая. Я успел крикнуть, что мы ещё захватим поезда, если попадём в вагон.

Но, когда мы у вокзала сошли с трамвая, на ветке железной дороги уже маневрировал состав. Через пути мы кинулись к поезду.

Должно быть, странно было видеть растрепанного старика без шляпы и бедного капитана с палкой, безмолвных—как могли мы безмолвны—мимо не помешавших остановкам их жезлов, мимо глупых их очков вагоном поноши. Мы могли толкать своим поверженным образом заглянуть в эти окна, и у меня не было уверенности ни в том, что мы уже не промчались мимо женщины и девочки, том, что они вообще едут в этом поезде. В концы копцов, это была только моё догадка..

Мы не слышали паровозного гудка и не видели, как откатнулся от окон прожорливое. Простые покотились око стало двигаться вместе с нами. И я крикнул:

— Ежайте!

При других обстоятельствах я вывогдал бы не пошёл на такой риск: я потопилую хромую девочку к высоким ступенькам порозовых игонос с нами тамбура. Проводник ловко подхватил его, а я успел поднять унававшую елку и бросить ему. Киватель выглянул ещё раз, чтобы посмотреть мне руку. Лицо у него было растерянное.

Вагоны медленно ползли мимо. Из очков наворачивались люди. Все они кричали и махали шляпками. Кажется, только одно око оставалось безмолвным. И его губы я успел рассмотреть знакомое лицо женщины.

Тогда подлазывает юнишеская лёгкость наполнила мою душу. Радость была во мне, скоро отлетит всё, что я знал о счастье, которое я встретил в его губах. И его губы не знали ни о чём и о котором ещё не знали они.

И шёл и улыбался и думал, что, пожалуй, я раньше знал об этом счастье, ещё там, за своим рабочим столом у окна. Всё снова было на месте, было, было, и казалось скучными мои последние суздальские листки.

ИСКУССТВО ЮГОСЛАВИИ

Антон Ауустичич.

«Маршал Тито».

«Я не могу себе представить, как приблизительно выгладит святой Олимпий, но, напротив, очень живо представляю себе Обаянча, Сраханяча, Старину Новала, Пивлянину Ваю» (агентаврний сербский народный герой. — П. М.), — писал сербский поэт и художник эпохи романтизма Джура Йинич. Так сербские романтики относились к славному прошлому своего народа, народным песням и героям, в них воссылали. И характерно: в сербской

живописи никогда не было столько новых, оригинальных и национальных тем, как в эпоху романтизма.

Это не значит, однако, что сербская живопись в прошлом не имела ещё более значительных достижений, чем во времена романтизма. В истории сербского искусства живопись всегда занимала первое место. Сербские фрески представляют, по общей оценке, одно из самых значительных достижений средневековой Европы. По своему значению они далеко превосходят византийскую живопись, и её последователей на Сицилии: они твердо

стоят на родной земле и имеют яркую национальную окраску, которая выражается в богатстве портрета и изображении современных событий. Сербские художники XIII века, по мнению известного русского византолога П. А. Окулева, поднимаются «до такой оригинальности, такого понимания задач монументального церковного искусства, до такой силы и мастерства в изображении, что могут быть с полным правом по-

ставлены в ряд самых лучших мастеров мирового искусства».

Традиция сербской живописи унаследовала и сербские живописцы реалистического направления последней четверти XIX века. Их интерес обращён к современной им действительности. В их произведениях мы прежде всего видим сцены повседневной жизни — крестьян, пастухов, детей, поля, сады и города. Наиболее крупный представитель реализма — Джордж Кретич. Его «Анатом» — шедевр реалистической школы и одно из самых интересных и значительных произведений новой сербской живописи. Известны также его картины из народной жизни: «У источника», «Под яблоней» и «Разлука».

Совсем другого направления художник Урош Предиц. Он, как и великие русские художники прошлого столетия, изображает на своих полотнах тяжёлые страницы из жизни своего народа («Беженцы из Герцеговины») и балтородинских, тихих, кротких, бесхитростных людей своей среды («Маленький библиотечкарь», «Прилежные ручки»).

Его современник Пая Еванович прославился произведениями, рисующими национальные черты жизни («Фехтовальня», «Предатель», «Игра мечами», «Убор невесты», «Вой петухов», «Переселение сербов»). Он выставлялся в Париже, Вене и Лондоне с огромным успехом. Насколько Пая Еванович был увлечён изучением национальных черт в жизни страны, доказывает его путешествие на Кавказ — и песни сербского и македонского народов и мусульман, проживавших в Югославии.

Важнейшие качества живописи древних столетий унаследовали и современные мастера Югославии. Современные художники Югославии учились у Ван-Гога и Сезанна и на выставках в Париже занимали почётное место. Между ними находится Петар Добрович, известный своими композициями, натюрмортами, обнажёнными фигурами и портретами. Изысканным колоритом в югославской живописи считается Мило Миланович (пейзаж).

В галерею югославских югославских скульпторов необходимо включить Тома Рокановича, Сретена Стопановича и Ристу Сревичича. Тома Роканович с одинаковым мастерством работает с ониксом и мрамором, ореховым деревом и бронзой; он одинаково смел и оригинален, когда создаёт маленькую статуэтку и огромную фигуру, бьет и рельеф. Сретен Стопанович особенно динамичен и силен в дереве. Его скульптура «На всех парусах» представляет особую ценность по силе исполнения и по воплощению вдохновения.

Природные красоты страны отразил в своих работах Любомир Иванович. Он рисует почти исключительно карандашом и углем. Его «Югославские пейзажи» полны подлинной старинной красоты. Они изображают характерные виды Югославии.

После окончания великой народно-освободительной борьбы югославские художники снова вернулись к своей работе. Они рисуют картины и этюды, посвящённые недавним военным дням. Среди художников особенно выделяется Джордж Андриевич-Кун, Николай Пирриат («На дол!» и «Колона в снегу»), Мария Детони, Вани Радауш, Джуро Пялик.

В новой, республиканской Югославии после войны уже было открыто восемь больших выставок живописи. По произведениям, представленным на этих выставках, видно, что сейчас намечается новое направление в югославской живописи — художественный реализм, который отражает современную югославскую действительность.

П. М.

Мило Миланович.

«Пейзаж».

Урош Предиц.

«Беженцы из Герцеговины».

Любомир Иванович.

«Мотив из Кратова».

Джордж Кретч.

«Под яблоней».

Николай Пирнат.

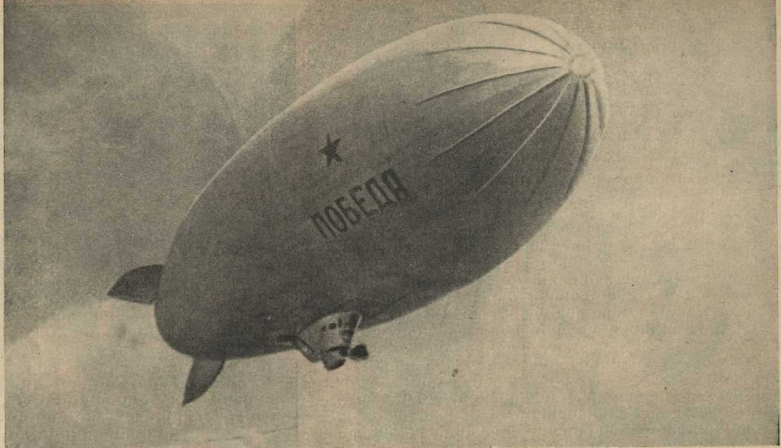
«Колонна в снегу» (вверху)
и «На дот!» (внизу).

Любомир Иванович.

«Башня Диздара в Плавне».

Егг. РЯБЧИКОВ

ПЕРЕСЕКАЯ ПАРАЛЛЕЛИ...

Утренний косматый туман поднимался с земли, облекая посеребрённые росы и оутюженные ивием кусты. Мгла рассеивалась. Поблизости проноса труба горниста; в авиационном городке начинался трудовой день.

В больших зданиях вспыхивали ранние огни, восточу пробуждалась труженица себя, там и тут показывались воздухоплавательные, слесарные и меховые куртки или комбинезоны. Все они спешили к воротам аэродрома, за которыми поднималась высокое длинное здание необычайного вида — эллинг, «квартира» дирижабля. Есть особая прелесть в тех минутах, когда торжественно раскрываются огромные ворота и в первых лучах зимнего солнца показывается мирно спящий гигант воздушного океана. Ещё издавками его прочные шпандины, молчат моторы, и кажется, нет сил разбудить дирижабль в этот ранний час.

Но вот, чётко отбивая шаг по обледеневшей дорожке, прошла стартовая команда; бойцы в шинелях, ружьях от сна и мороза, напрялись в эллинг. Командир части полковник Алексей Михайлович Бартов отдал первые распоряжения, и всё пришло в движение — воздушный корабль зашевелился, прочуя и пошёл на взлёт по морозной дорожке.

Вскоре дирижабль очутился на поле, и можно было рассмотреть подробно его большое серебристое тело. Большая идеальная оболочка была несолько дряблой и морщинистой. Но добавочная порция газа, которую получил дирижабль, придала ему необходимую форму.

Снизу дирижабля подвешена gondola с моторами. Придерживая корабль за стеньги gondola и стропы, бойцы осторожно вывели дирижабль из эллинга и почти несли его к тому месту, где из подвешенного колодца выплыла газовой шланг.

Снег, покрытый тонкой корочкой наста, не выдерживал тяжести людей, ноги проваливались в глубокие сугробы, с большим трудом продвигались вперёд бойцы стартовой команды. Мы

отправились вслед за ними, на ходу беседуя с конструктором советских дирижаблей майором Б. А. Гарф. Он высок ростом, слегка сутуловат, как все инженеры, подолу склоняющиеся над чертежами, у него обветренное, немного угрюмое лицо. Он всем известен, что Гарф давно занимается дирижаблестроением; корабль, только что вышедший из эллинга, является его очередным детищем. Нам захотелось из уст конструктора услышать рассказ о жизни воздухоплавателей, и мы обратились к нему с вопросами.

От угрюмости и замкнутости Гарфа не осталось и следа, как только разговор зашёл о дирижаблях. Он весь преобразился, загорелся тем внутренним огнём, который полагается у людей, горячо любящих своё дело.

Известно, что первые полёты происходили не на самолётах, а на воздушных шарах. Это аэронавты проложили первые тропы в воздушном океане. Дирижабль объясняет в себе качества аэростата и самолёта: он движется по воле человека, а не ветра, способен занырять на большие высоты, неподвижно висеть на одном месте, подолу входить в полёт и приземляться там, где самолёт не в состоянии совершить посадку.

Пока мы беседовали, дирижабль подготовили к полёту. Взяв моторы, спешив внутрь загрузили gondola топливом. Стартер дал сигнал, стропы освободили, и корабль без толчка и покачивания, характерных для самолёта, разбегающегося перед взлётом, ровно и спокойно отправился в путь.

В пилотской кабине начался трудовой день воздухоплавателей-дирижаблестов. Вскоре дирижабль догнал пушистое белое облако, вежливало вошёл в него, и ртутная балка мгла окутала gondola. Тогда ухватил моторы, корабль утратил свою скорость и, повинуясь ветру, несущему облака, помчался по его воле. Дрейф в облаке продолжался веждого. Это было не большая тренировка перед авиационным за-

дача гидрометеорологической обсерватории по изучению облаков.

Скоро окна омстились от молочной мглы, и вновь заблестало холодное, зимнее солнце. Вдали над рощами ассы, точно вырезанный из белой жести, аэростат, а с летящего близ нас самолёта и воздух бросались парашютисты и, покачиваясь под шёлковыми куполами, опускались к безлюдным полям. Все виды воздушного транспорта были представлены в московском небе. Находясь в gondole дирижабля, мы, точно из театральной ложи, наблюдали за жизнью в небе и на земле.

Нам не привелось совершить на этом дирижабле большого путешествия, и только по рассказам мы представляли себе, как пролетая в прошлом году полёты из Москвы к Омутинским гарям и к Черноморскому побережью.

Полужесткий дирижабль «СССР-В-12», пришло в свою gondola группу научных сотрудников Министерства лесной промышленности, летал на север, в Кировскую область. Там, среди болот и возмешностей, раскиснувшие массивы лесов, часть которых выгорела. Необходимо было выяснить, сколько леса уничтожено огнём и что представляла собой сохранившаяся тайга Омутинская. На языке лесоводов подобная тайга называется таскцией. Можно было пролезать таскцию и с помощью самолётов, тем более что существует специальная лесная авиация, но полёт на аэроплане проходит так стремительно, что наблюдать не имеет времени подробно рассмотреть интересующий его лес, определить возраст и сорт деревьев, отметить на карте места болот, хуторов, гарей, строевого и корабельного леса. Поэтому и ренено было обратиться к воздухоплавателям. Воздушный корабль является на север. Путь к Омутинским гарям провёл быстро и благополучно. Наступила ночь. Нужно было совершить посадку. Командир дирижабля осмотрел под gondola тайгу, нашёл удобное, просторное место и осторожно пошёл к ней свой корабль. Моторы

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХИ

были исключены, дирижабль непременно поспеет над кустами. Из гондолы выскочил веревочную лесенку, по ней спустился человек, а следом за ним подали на землю специально сконструированную прыгальную мачту. Прошло несколько времени, мачту установили и к ней причалил дирижабль. Застыв в ночном воздухе, он спокойно дремал над просекой и ждал очередного полёта.

Дирижабль оказался неизменным помощником лесных работников. Они неслина пролетали над тайгой, часто останавливались над деревьями, давали им высоту, рассматривали, какого сорта, возраста, где удобнее рубить лес и сплавлять по рекам и озерам. За один полёт было протаскировано 200 тысяч гектаров лесного пространства.

Осенью прошлого года другой дирижабль — «Победа» — совершил ещё более увлекательные путешествия. На этот раз воздушный корабль полетел не на север, а на юг, и в гондоле расположились не лесоводы, а офицеры Военно-Морского Флота и работники Министерства рыбной промышленности. Дирижабль перешёл Московскую область, Украину и почти достиг западных берегов Крыма и побережья. Командир дирижабля А. И. Рошня вывел корабль за пределы гористого полуострова и полетел над зыбленистым морем. Провозимо удавалось избежать, то, чего не могли распознать люди с лучшим летящим самолётом и с кораблём, неожиданно ясно и отчетливо открылись из гондолы дирижабля. На большой глубине, освещённой косыми лучами прожекторов, лучами соляных выделений затонувшие корабли. Скользя по дну были видны миныные поля, притаившиеся в заливах и проходах между островами. С воздуха нетрудно было разглядеть, насколько минами представляющие смертельную опасность для мореходства.

Радио передало с дирижабля известие о страшных находках, и вот по тропе чернозёмных вод люди причалили на тревожный зов военные суда. Дирижабль спустился настолько близко к морю, что из гондолы, не поворачивая головы, можно было рассмотреть морские мины, обледеневшие мины. Воздухом пахло взрывом, как походили суда к минам, как вылавливали их и расстреливали из пулемётов.

Выполнив военное задание, дирижабль полетел в ту сторону, где рыбачили вальщики, бродили по морю в поисках улова. С волнением поглядывали работники Министерства рыбной промышленности на катящиеся волны и белесые дали парусов. Всплывавшие из гондолы, они вглядывались в расставленные воздушную равшину. Скользя толщу вод, то зеркально спокойную и блестящую, то белесую от пенящихся гребней, они увидели узкие чёрточки, их было так много, что иногда казалось, будто туча на крыла солнце и уронила тень на море. Это шла рыба. Она выбрала путь, лежачий далеко в стороне от рыбачьих парусинок. И там, в тех-тех куртках, тосковали рыбаки, ругали погоду и рыбу, жаловались на обеднение моря, не подозревая, что удача шла мимо. Но вот радиста принесли сообщение с дирижабля, тогда послышалась весёлая команда и флотилия направилась встречать рыбное богатство...

Много дней провёл дирижабль на юге. В погожие дни он летал над морем, по ночам и в штормовую погоду боролся в сорном ущелье. Сама природа создала вблизи Севастополя естественный аэлиат. Среди отесных скал, в горластые глубокого ущелья, была установлена портативная прыгальная мачта, и которой швартовались дирижабль. Здесь наполняли оболочку добавочными порциями газа, осматривали моторы, производили текущий ремонт. В ненастную пору за утёсами свирепело буреванье море, с лёба хлестал дождь, всё гудело и стонало вокруг. Ветер с моря разгневано обрушивался на дирижабль. Вот тогда воздушный корабль провёл свою неприхотливую и выносливую ночь.

На обратном пути в Москву дирижабль пробивался сквозь густой туман, летел в жестокающую грозу, боролся с ураганом. Всё перенёс он за месяцы своих странствований.

У дирижабля, несомненно, большое будущее. В предостережных полётах к побережью Ледовитого океана, над дремучей сибирской тайгой и расклеванными песками среднеазиатских пустынь достоинства дирижабля будут использованы в полной мере.

***
Ах, метель такая, просто чорт возьми,
Забывает крышу белыми гвоздями.
Только мне не страшно, и в мой судьбе
Непугёвым сердцем я прибит к тебе.

***
Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И берёзы в белом плащу по лесам.
Кто погиб здесь? Умер! Уж не я ли сам!

Ночь 4/5 октября 1925 года, Москва.

ВОСЕМЬ СТРОК

В начале октября 1925 года, в последний год своей жизни, Сергей Есенин улёгся созданию коротких стихотворений. 3 октября были написаны «Голубой кофта, синие глаза» и «Сладкий, мятис сапог». В ночь с 4 на 5 октября он предвкусил мне поарад семь шести- и восьмистрочных стихотворений. На другой день, по этой мой записи, Есенин сделал небольшие поправки.

При жизни автора были начатаны «Сочиняешь бедный, это ты ли?» и «Вечером сином, вечером лунным». Подготовленная собрание своих произведений, Есенин включил в него стихотворения: «Снежная замать ирругит бойко» и «Еще кривя улыбку, руки теребя». Первый том собрания, в который вошли эти стихи, появился, когда поэта уже не было в живых. Остальные стихи этого цикла автор печатать не хотел, так как они его не удовлетворяли. Пятое стихотворение, «Плачет метель, как шагская скрипка», было начатано после смерти Есенина сперва в журнале, а затем в четвёртом томе собрания, составленном редакцией Государственного издательства.

Помещаемые здесь стихи принадлежат к тому же циклу шести- и восьмистрочных, написанных в ночь с 4 на 5 октября 1925 года.

Они печатаются впервое, по моей записи, сделанной под диктовку Есенина. Эти стихи включены в новое издание произведений Есенина, выпускаемое в настоящее время Гослитиздатом.

Осенью 1925 года, вскоре после возвращения в Москву на поездку на Кавказ, где Есенин работал главным образом над продолжением цикла «Перелетных мотивов», он несколько раз говорил о том, что хочет написать цикл стихов о русской зиме. Первым стихотворением этого цикла явилось «Жу, жу свики, а кони, кони». За ним последовали другие на ту же тему. В течение трёх месяцев, почти до самой смерти, Есенин не оставлял этой темы и написал двадцать стихотворений, посвящённых русской зимней природе.

Необычайно многообразие, яркость, величавость, сказочная, фантастическая красота нашей зимы, которую с детства любит всякий русский человек, увлекали Есенина, глубоко любящего свою родную страну, пропадали а нём высокие поэтические настроения, рождали новые прекрасные образы и сравнения

С. Толстая-Есенина

Художник С. Герасимов.

«Зимка»

Рис. Г. Алексеева

В КАБИНЕТЕ РЕДАКТОРА «ЮМАНИТЕ»

В первый раз мы поехали в редакцию газеты «Юманите» по старому адресу: 183, Монмартр. Все дома на Монмартре целы, но ни редакции, ни типографии мы найти не могли. Мы уже проехали историческое кафе, где был убит Жак

Жорес, основатель «Юманите», и только тут спросили булочника, где нам искать редакцию.

— Гм, они наконец-то «освободили» для нас «Пти варизен», — ответил булочник, стирая со лба пот, и подробно рассказал, как пройти по новому адресу.

Большое знание редакции и типографии закрытой за сотрудничество с немцами бульварной фашистской газеты «Пти на-

ризен» было конфисковано правительством и передано «Юманите», боевому органу французской компартии. «Юманите» ни на один день не прекращала выходить в свет в дни немецкой оккупации. Сегодня она имеет самый большой тираж из всех французских газет.

Нас, группу иностранных корреспондентов, провели в большой светлый, заставленный кожаной мебелью кабинет главного редактора — Жоржа Конье. Не успели мы уселиться, на локотке локотка нам разогреть варить, как в комнату вошла среднего роста пожилой человек с усам, обычными для француза, и с приветливым лицом. Все встало, и Конье представил нам: — Профессор Ланжевэн.

Старый учёный, гордость французской науки, только вчера вернулся в освобождённый Париж и сегодня пришёл в «Юманите» к Марсело Кашпоу, чтобы поздравить его за участие в ступении в члены коммунистической партии.

Профессор Ланжевэн каждому из нас, корреспондентов, сказал несколько слов. Когда дошла моя очередь пожать руку учёному, он сказал мне:

— Я был у вас в СССР в Ленинграде, Москве, Харькове. Непременно приеду опять. Нужно увидеть, как эти городские рои живут.

Перед войной меня звали в Москву мой друг — академик П. А. Капица и старейший боевой конь Жан Ришар Вюло. Тогда я «по семейным обстоятельствам» не смог поехать, а теперь непременно поеду, непременно...

Даже налки на сенсации американские корреспонденты не решились спросить профессора Ланжевэна, почему он на такое лет вступил в компартию. Он, как советск всего народа, примкнул к тем, кто боролся ещё против капитуляции, против подневольного окмечивания, за сопротивление, за освобождение, за новую Францию.

СЕМЕЙСТВО ЛАНЖЕВЕНОВ

Профессору Ланжевэну 73 года. У него мировое имя учёного. Школьник Ланжевэн порадовал своих соперников и учителей невероятной памятью. Студент Ланжевэн отличался таким глубоким знанием математики, что профессора отказывались его экзаменовывать. Молодой Ланжевэн работал лаборантом у Мари Кюри в Парижской школе физики и химии. Его первая исследовательская работа была посвящена вопросам радиоактивности. Потом последовали одна за другой работы и открытия в области теоретической физики, магнетизма, теории атома. Характерная черта научных изысканий Ланжевэна — практическая устремлённость. Наука и жизнь — этот девиз учёный провёл с молодых лет до сегодняшнего дня.

Жюлио-Кюри, теперь крупнейший учёный-физик, вспоминает, с каким трепетом он сидел за спорами, происходившими в их семье за обеденным столом, между Мари Кюри, открывшей миру радий, создателем теории относительности Эйнштейном и, тогда ещё молодым, учеником-физиком Ланжевэном. «С вилками в руках, они подолгу дискутировали на сложнейшие математические и физические темы. В таких случаях никто не решал их перебивать, и обед затягивался настолько долго, что нас, молодёжь, кормили в другой комнате...»

Любимая фраза профессора Ланжевэна — «Трудно делать математические исчисления о том, чего ты не знаешь, но нельзя делать математические исчисления, когда раз не знаешь». Многие научные открытия Ланжевэна имеют широкое практическое применение. Так, проводил опыты с кварцем, он пришёл к выводу, что радиоактивный излучение создаёт электричество. Это открытие было положено в основу его известного изобретения для определения местонахождения подводных лодок, которое начало приме-

Игорь МОИСЕЕВ,
заслуженный артист РСФСР

ТАНЦЫ НАРОДОВ

Велика и обильна сокровищница хореографического творчества народов, населяющих нашу страну. Обязательны богатство и красочность прекрасных русских, украинских и белорусских плясок. В республиках Закавказья мы находим женучий народный танец. Также танцы, как грузинский «Лехури», осетинский «Синд», гурийский «Перхули», аджарский «Хоруми», многие армянские танцы, — это полдня или несколько искусств. Совершенно особое место занимают танцы Средней Азии: они не знают равных по чувству и пониманию ритма.

Собиравно, изучению и популяризации на профессиональной сцене культурных богатств советского хореографического фольклора посвятил свою деятельность руководимый мной Ансамбль народного танца СССР. За почти девять лет существования ансамбль показал зрителю более ста танцев народов Советского Союза. Все они потребовали от нас продолжительного и кропотливого предварительного труда: работа постановщика и артистов над тем или иным народным танцем всегда начинается с подробного изучения фольклорных первоисточников танцевального движения, национальной музыки, костюмов. Часто для этого ведущие артисты ансамбля отправляются в творческие командировки в различные районы страны. Только изучив весь материал, мы приступаем к творческому воплощению танца на сцене. Думаю, что успех, который неизменно сопровождает выступления ансамбля, является в известной степени результатом такой системы работы.

Я убежден, что элементы и мотивы народных танцев, несомненно, войдут как важнейшие компоненты в те будущие большие балетные произведения, которые отразят темы советской действительности, героики, быта, эпоса народов советских республик. Таким образом, как мне представляется, наша работа по изучению народного танца и широкой его популяризации полезна и с этой точки зрения.

В прошлом году мы впервые включили в наш репертуар танцы зарубежных народов. Это последние подготовленные ансамблем программы, так называемая славянская. Работая над польскими, сербскими, чешскими, словацкими танцами, нам пришлось столкнуться с большими трудностями: непосредственное общение с народными исполнителями, всегда помогавшее осознанию характера танца и проникновению в стиль и манеру исполнения, в данном случае отсутствовало.

Потому гастрольная поездка ансамбля в страны Дунайского бассейна была не только демонстрацией успехов советского искусства, но и серьезным экзаменом для нас. К большой нашей радости, гастроль прошла успешно. И в Чехословакии и в Югославии исполнение славянских танцев встретило горячее одобрение зрителей.

Хорошо в этой программе показала себя наша молодежь. Многие из молодых исполнителей по праву выдвинулись на первые места. Вопрос об осуществлении творческих планов, которые стоят перед нашим ансамблем, мы возлагаем больше надежды на молодых актеров.

Есть хорошая поговорка: «Посей действие — пожнешь привычку, посей привычку — пожнешь характер, посей характер — пожнешь судьбу». Судьба отдельных наших товарищей определит судьба всего коллектива в целом. Только упорная и настойчивая работа может принести успех.

Фото Г. Петрусова
Монтаж А. Житомирского

СИМФОНИЧЕСКАЯ ТАНЦА

Галина ТОМАШЕВСКАЯ

НОЧНЫЕ ПОЕЗДА

Стою на станции лесной.

Вверху горит звезда.

Летят дорогою сквозной

Ночные поезда.

Как будто бы прошлая гроза

И сходит влруг на-вет.

Лишь семафорны глаза

Глядят бессонно вслед.

В них то тревога, то покой,

И разговор их прост.

Грохочет снова над рекой

За перелеском мост.

Пронёсся огненный болид

По дебрам темноты.

«Вот так и жизни, — вздыхаешь ты, —

Мгновенно пролетит».

Пусть пролетает, не боюсь,

Сквозь ветер, дождь и мрак,

Далеко фарами светясь,

Приветно окнами смеясь,

Пусть пролетает так!

Степан ЩИПАЧЕВ

Ты к девушке торопишься, влюблён,

А день такой, голубизна такая,

Что город весь лучится и сверкает, —

И ты, в пути совсем не утомлён,

Закрываешь голову, хмелея,

Идёшь по переулкам, по аллеям

И мимо дома, что растёт в лесах,

И будут девушке всего милее

Дымники неба у тебя в глазах.

И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

РАДУГА

С диких скал поток летит, как титан.

В нём сияет неба глубина,

В нём, кипучем, радуга дробится,

В каждой капле радуга видна.

Но, потоку краски отдавая,

Не терзет яркости она...

Так и ты, как радуга живая,

У меня в душе отражена.

О дружбе

Нет уж святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братья: любить и зверя своё дитя. Но породниться реально по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей.

Н. В. ГОГОЛЬ «Тарас Бульба».

Всякое чувство, чтобы быть истинным, должно быть прежде всего естественно и просто. Дружба иногда завязывается от сходства, а иногда от противоположности натуры; но во всяком случае, она чувство невольное, именно потому, что свободно; им управляет сердце, а не ум и воля. Друга нельзя искать, как подрачка на работу, друга нельзя выбрать; друзьями делаются случайно и незаметно; пренебрежка и обстоятельства жизни скрепляют дружбу.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

Дружба должна быть прочной штукой, способной пережить все перемены температуры и все толчки той ухабистой дороги, по которой совершают своё величавое путешествие дальние и породные люди.

Д. И. ПИСАРЕВ «Промяхи незрелой мысли».

Время... опыт — единственные права, чтобы дружбу признавать истинною. Что значит иметь друга, это я знаю; что значит ошибиться в человеке — и это я знаю; это кусок мяса, отодранный от своего сердца, горячий и кровавый.

А. И. ГЕРЦЕН. Письмо к Н. А. Захарьиной.

Во всех временах дружество почитали из числа первых благ в жизни.

И. А. КРЫЛОВ «Рассуждение о дружестве».

С разбором выбирай друзей.

И. А. КРЫЛОВ «Роща и огонь».

На языке легка а ласка и улетуча;
Но в нужде лишь узнать прямого можно друга.

И. А. КРЫЛОВ «Собака, Человек, Кошка и Соколы».

Лучше явный враг, нежели подлый льстец и лицемер; такой безобразит человечество.

ПЕТР ПЕРВЫЙ.

Твой истинный друг, кто укажет в пути Препятствия все и поможет пройти.

Льстецов причислять опасайся к друзьям,
Тот истинный друг твой, кто честен и прям.

СААДИ «Бустан».

Искренность отношений, правда в общении — вот дружба.

Служба и дружба — две параллельные линии: не сходятся.

Сам погибай, а товарища выручай.

А. В. СУВОРОВ.

ЗНАКОМСТВО С ГОРЬКИМ

Февральским вечером 1915 года в дверь петроградской квартиры М. Горького позвонили трое молодых людей.

В прихожей их встретил Алексей Максимович: «Пожалуйста, поэты. Прямо к столу...»

Гостями знаменитого писателя были Владимир Маяковский, Василий Каменский и Давид Бурлюк — молодые поэты-футуристы, мастера словотворчества, «самозванного» самоименного слова, как они себя называли. Литературные выступления этих поэтов сопровождалась шумной полемикой в печати. Горький только никак-то приехал в Петроград из ФилADELPHIИ. Путь тотчас направил к нему своего делегата — В. Каменского — с просьбой принять их: мнением и поддержкой Алексея Максимовича они очень дорожили.

Горький продержал Каменского у себя весь день: с обычной любознательностью выспрашивал обо всём и обо всём, заставлял читать стихи. Потом сказал: «Вы про — молодые, оригинальные, весёлые, бунтующие поэты. Хорошие поэты, сильные. Мастера слова, свежее, крепкое, слово. Молодцы! Так и надо. И ругают вас совершенно зря. Глупо ругают, особенно — Маяковского...» А на прощание пригласил: «Пусть завтра к обеду вместе с вами поужадут Маяковский и Бурлюк. Жду...»

Так началось знакомство Горького с Маяковым. В книге «Жизнь с Маяковым» Вас. Каменский следующим образом описывает вечер, который они провели в гостях у Алексея Максимовича.

«...Обед прошёл в тихих разговорах о странности отношений между старыми и молодыми поэтами.

— А ведь казалось бы, — говорил Горький, — тех и других у нас очень мало, и можно бы дружить, поддерживать друг друга на общую народную пользу, поскольку все вы идёте к неизбежной революции. Надо действовать над лозунгом: они — своё, а мы — своё.

Нам очень понравилась эта горьковская фраза-лозунг.

Бурлюк вытаскил из кармана свою записную книжку, попросил автора записать это на отдельной страничке. На память.

Алексей Максимович чётко написал: «Они — своё, а мы — своё, М. Горький». Маяковский заметно нервничал за столом.

Я с Бурлюком переглядывались, так как понимали, что Володе нестерпимо хотелось прочитать куски своей поэмы «Облако в штанах».

Он даже напёщивал про себя отдельные строки.

Горький засмеялся:

— Вот сразу видно поэты: стихи сами так и мечутся наружу, как огонь из печки. Ну, попробуйся да и возмётся за стихи.

Едва побеседовав и пролив в гостиную, как Володя уж стоял наготове:

— Толстой был прав, когда сказал: «Я не могу молчать». Я тоже.

— Ну, хоть Толстой признаёт, — ухмылился в усы Горький, заёртывая папиросу, — и то ладно.

— Мы-то признаём, — улыбался Володя, — а только нас не признают. Но лично вас, Алексей Максимович, против горячо любим, по-находящему любим. Начиная.

И Володя, слегка расквашив на месте, будто на корабле стояя, начал медленно, густым басом читать пролог из «Облака в штанах»:

«Вашу мысль,

Мечтающую на размыченном мозгу...»

И я заметил, что Горький как-то удивлённо и радостно воспринял могучий тембр голоса Маяковского и чёткий, ударный ритм его мужественного стиха.

Мы не сомневались, что подобное мастерство исполнения Горький слышал в первый раз, так как поэты до нас, особенно символисты, читали безголосым тоном скучных ничётичких, изображающих какоето священнослужение.

Маяковский читал монументально, будто громоздил горы.

Горький встал и в слезах обнял Маяковского.

Алексей Максимович начал расшаривать, как возникла поэма «Облако в штанах», и без конца удалялся самому месту творчества Маяковского, Поглаживая усы, он тихо повторял:

— Огромный самородок! Русский самородок! Золотой самородок! Болтушная сила!

Маяковский читал ещё, читал много и превосходно...»

Спустя несколько дней Горький согласился поехать в артистический подвал «Бродячая собака» на обсуждение литературного сборника «Стрелец», в котором были напечатаны стихи Маяковского и других футуристов.

Публика, дозрела набившая подвала, встретила Алексея Максимовича восторженными приветствиями. После выслушивания Маяковского, Северянина, Бурлюка, Каменского, Хлебникова собрались стали кричать:

— Присли Алексея Максимовича на сцену! Присли! Скажите что-нибудь о футуристе! Призывайте их или нет?..

Горький вышел на эстраду, постоял с минуту при абсолютной тишине, подумал и сказал твёрдо:

— В них что-то есть.

Эту горьковскую фразу встрелил взрывом аллоидомов, и пошла эта фраза гулять по белу свету...

Дальше Горький говорил о том, что надо внимательно и любовное относиться к человеку и труду человеческому и не смеяться над творческим трудом поэтов-футуристов, у которых помимо дарования есть одно бесспорное преимущество — молодость. Маяковскому он предвещал славное будущее...»

А. Петров

Славное море, привольный Байкал...

Фотограф Д. Дебазова

БАЙКАЛ

Мих. ПРИШВИН

I. ЧУВСТВО ПРИРОДЫ

В искусстве слова все являются учениками друг друга и каждый идет своим собственным путем. Но есть, конечно, у каждого пишущего свое предпочтительное отношение к тому или другому автору.

Время от времени и ко мне, старому автору, обращаются за советом молодые, большей частью те, кто сам выбрал или его выбрала тема природы. На страничках «Смены» несколько лет тому назад я привоюда опыты литературных ландшафтов молодых авторов вместе с моими советами, называя такое наше содружество «Школой радости».

Сейчас меня снова порадовала одна сибирячка, прислав в нашу «Школу» свои

опыты художественного описания Байкала. Прочитав рукопись, я всеюмина началось нами интересное дело, и в голову пришли некоторые мысли, которыми мне захотелось поделиться прежде, чем дать здесь отрывок из книги Ольги Серовой «Славное море».

Читая о весеннем пробуждении Байкала, поднимающем ввесь дух человека, я думала о Чехове: почему у него в рассказах пейзаж обыкновенно не разбрызгивается в картину природы, как бы открывающую собою не душу отдельного маленького, а всего великого человека? Вот пример, типичней для Чехова: «Солнце величественно склоняется... Мы приготовлены услышать, может быть, молитву муэдзина,

восходящего на минарет. Вместо этого в лучах вечернего солнца по пыльной дороге катятся бричка ветеринарного фельдшера. И тем самым читатель уже подготовлен к печальному комизму от встречи великого солнца с душой отдельного маленького человека. Тысячами подобных пейзажей, похожих на дачки для человеческих душ, окружает Чехов своих героев. И оттого у нас после чтения его рассказов дробится чувство природы и к человеку остается, в лучшем случае, лишь сострадание и печаль. Чеховский герой — «маленький человек» — збоит жизнь, и ему не до лучей, но до природы, не до жиру, а лишь бы живу быть. Вот это «лишь бы живу быть» и окрашивает так

печальною дну чужесых творений. Но у того же человека, изучающего предмет зарисовкой о бедном человеке, бывает, вырвется из-под прагматического гнета свободная природа и в ней вместе взойдет вся жизнь человека, может быть, и составляющая в своем великом единстве то самое, что мы называем природой. У человека есть такая картина, мы все её знаем и знаем это «Стель».

Некоторые у нас склонны думать, что картина природы у художника развратается за счёт человека и в природу художник уходит, спасая от необходимости писать о людях. Нет, это совсем не верно. За великой картиной природы таится невидимый человек. Вот хотя бы известный «Мостик» Левитана. Когда мы глядим на картину, нам кажется, словно по этому мостику только что пришла человек и светится собой в простору, человек саму по себе не замечательную природу, изображенную на полотне.

Удивительно, какое множество людей, порой совсем некая, имеют область художественной восприимчивости к природе. И каждый человек, опустивший своё единство с миром природы, духовно воз-

вышается. Горький это расширение души человека от соприкосновения его с природою — это единство. Мне не известно, сам ли Горький признавал название душевного состояния человека, включённого в движение жизни в природе, или глумился в большой мере уже раньше — что природою такое наименование. Но всем нам известно соединение в гармоническом единстве наших отдельных маленьких душ, когда мы действительно соприкасаемся с большой природой сами по себе или через художника. Разумеется, не страдая, но человек при этом всегда возвращается.

Давно уже я пользуюсь чувством природы, изображённой в ландшафтах нашей страны. По новизне им дела в котором всё нужно видеть своими глазами, по ограниченности ли мои сил, но только я один не могу завершить эту огромную задачу. Вот почему для меня всегда бывает праздник, когда кто-нибудь присылает картину природы своего родного края. Так, помогая один другому, мы с помощью воспользовались в искусстве слова все совокупный ландшафт нашей страны.

Ольга СЕРОВА

III. ПРОБУЖДЕНИЕ ОЗЕРА

Родилась я на берегу Байкала, в поселке Мысовая. В прошлом году совершил политический, и этим для ещё прекрасной дикой милой, сплошь покрываемой горы, и была достопочтеннейшая наша местность.

Когда я спрашивала: «Как я появилась на свет?» — мне всегда отвечали, что однажды моей матери принесли маленькую девочку, которую назвали в лесу на магне.

Помнить я ещё начала очень поздно, но порой из тумана самых ранних лет начинают колышаться белые низкорослые цветы и односторонний валун затрещивает как-то синия сверкающая полоса.

Тогда мне было всего три года. Спустила много времени я увидела Байкала и тут сразу почувствовала, что первым моим зрительным восприятием была вода: она и вызвала в лесной пещерке яркую синюю полосу. С тех пор с нимания цветом у меня другая самая интимная. Я даже с синим цветом объединяю представление о людях, о некоторых олицетвлениях. Так мечта в моём представлении — это нечто бесконечно синее, словно волнистая лента, брошенная в яркий, солнечный свет в синему. Но откуда белые цветы? Я долго искала разгадку в своей памяти и потону случайно набрала на ответ. Белые цветы — это маки, которые мы собирали возле дома, на пригорке в то время, когда мне было три года. Белые цветы и синия полоса — всё, что я помню от раннего детства.

Байкала была для меня самым первым, даже ещё не осознанным восприятием красоты. Вероятно, потому и так полюбилась это озеро. И после окончания институт в Москве я радиозвоню прошла мимо возможности поехать на юг (мечта многих студентов) и выбрала опять же «Слабое море, привольная Байкала».

В своих школьных дневниках я писала торжественные и патетические строки о красавце Байкале, где одно за другим повторялись слова «суровое», «величественное», «мечтательное», «торжественное».

Но прожитая годик и, скитаясь в Байкалом, узнавая его всё больше и больше, я открывала в озеро такие странны, какие редко кто причислял в нём, и вот тогда появились следы слова.

*****

Стаил последние дни мая.

На северной оконечности Байкала наступала весна. Уже начинали расплываться

верха деревьев, амаювалы горы от богуальника, амаювалы ещё были цыплетыми почкой. А Байкал ещё был амаювалы амаювалы и они, сверкающие, белые валы и серые рыла у берега, держали вдоль озера в холодном туману.

Вот тогда и амаювалы с елиной тоской, амаювалы, нетерпением ждали, когда бы ямаювалы, и теперь уже золотая, брошенная дорога широким, ровным потоком переставляла через ожигное озеро и упала к непроходимым байкальским горам, вставшим над озером, как высокие, трагическим, хрупким, словно выточенным из синего китайского фаянса.

Долго я, восторженная, стояла у окна. Веточки вербы перестали вздрагивать и кололись, и зрячивались на стеклах оконным, стреляющим, голубым.

Была уже по поалоуч. На чистом, словно омывом небе амаювала стояла неподвижная, правдиво блестящая, оставшая после холода и чистого везенния лёд. И только койкой тут же золотой, но уже сползающей в озеро.

Стаю золотую, по-летски теплую на душе, как перед праздником. В груди дрожало что-то светлое, радостное, будто золотой луг скользящий и оживная серо, делавшая, как нежный весенний лёд. И тревога ушла так же внезапно, как и появилась.

Всё это было настолько торжественно, что завязало, вдруг из ночи полыхнула мушкетёрская и разничалась: была бы я мушкетёром, и сейчас бы была бы мушкетёркой и такой ничья и назвала бы её «Пробуждение».

«Всё вот же, — амаювала мне, — какие неосознанные жесты бывают превращений оплодотворения и как много впереди у озера бурь, нежные шторма под елиной нора бес, амаювалы восходов и закатов!» А твою жизнь, — похожа ли она на эту природу, от которой ты сама? Может быть, твою жизнь подобно физическому животному ты не знаешь, кончается ли она, выглядит ли солнце, приду ли амаювалы, пойдут ли твоё сердце, согреть ли его человеческой амаювалой и умным амаювалой.

И пасущий золотом амаювалы Байкала, и синие горы, и чистота неба, и всё это такое понятное, близкое отдалено мне: буди и в твою жизнь ещё бури и много лёгкой тишины, грусти и амаювалой нежности. И томительною жидкой, это же чувство: промочит ветерок, разгонит тучи, выглядит солнце, приду люди, приду твоё сердце и согреть его амаювалой и умным амаювалой веры в человека.

Приду, — переплетать приду.

Не спешу, я прислушиваюсь теперь к голосу новой жизни: то шумел прибес возрождённый Байкала.

Кадр из фильма «В глубинах моря». В подводных «лесах»

А. ЗГУРИДИ

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ДНО МОРЯ

Поход замедлил ход и плавно остановился у платформы Севастопольского вокзала.

Мы снова в Крыму! Но на этот раз не горы, не леса, не степи не привлекали нашего внимания, как прежде, когда мы путешествовали с киноаппаратом, проликая в самые сокровенные уголки природы. На этот раз нам предстояло погрузиться с киноаппаратом в морские глубины и с помощью экрана рассказать об их тайнах.

НАШЕ ВООРУЖЕНИЕ

Мне кажется, эти слова больше всего подходят для общего определения технического снаряжения киногруппы. Аппаратура, оптика и приспособления для съёмок — это то же, что и вооружение бойцов, от качества которого по многом зависит успех боевой операции.

Правда, вначале наше вооружение мало чем отличалось от обычного арсенала средств, используемых при съёмке научных фильмов. Мы располагали несколькими съёмочными камерами с полным набором оптики, автоматической камерой «Кинемо», аппаратом для замедленной съёмки («Сейтфермер»), установкой для микросъёмки и небольшим количеством портативных осветительных приборов с полуваттными лампами.

Но чем дальше, тем всё больше мы обзавелись дополнительными приспособлениями и оборудованием. Вскоре по чертежам оператора М. Пискунова мы изготовили специальные металлические кожухи для съёмок теми же аппаратами под водой, изготовили аппаратуры различной величины, устроили специальные электроносимы для подачи воздуха в аквариумы и даже освободили водопроводную сеть от лишнего, охлаждающего морскую воду.

Кино — молодое искусство. Ему всего 56 лет. Но ещё моложе одна из отраслей его — научная кинематография.

Известна высокая оценка роли кино как оружия пропаганды научных идей, данная В. И. Лениным в 1907 году: «Когда массы овладеют кино... гаворки Владимира Ильича, — и когда оно будет в руках настоящих деятелей социалистической культуры, то оно является одним из могущественнейших средств просвещения масс».

Сейчас в нашей стране пять киностудий активно производством научно-популярных и учебных фильмов. За сравнительно короткий срок этими студиями выпущено больше двух тысяч кинокартин. Среди них немало выдающихся произведений научной кинематографии. Многие такие фильмы удостоены Сталинских премий, в том числе три — в глубинах моря, «Леса жизни», «В лесах Средней Азии», «Ирландские творчество режиссёра А. Згуриди, который посвятил свою деятельность созданию фильмов, посвящённых жизни диких животных в естественных условиях природы».

В полномочной здесь отрывке режиссёр А. Згуриди рассказывает о съёмках настоящего фильма «В глубинах моря».

Со всем этим оборудованием мы разогнулись в двух комнатах Севастопольской биологической станции, где и устроили свои «спальники»: один — для съёмок в аквариумах, другой — для микросъёмки.

Но, как выяснилось впоследствии, и этого оказалось недостаточно.

ПЕРВЫЙ СПУСК

Кто хоть раз опускался на дно моря, поймёт наш восторг от этого поистине сказочного зрелища. Огромные камни, сплошь обросшие густыми водорослями, образующие причудливые ко-

риформ, множество рыб самой разнообразной формы, общее непередаваемое богатство красок, полутонов — всё это производит незабываемое впечатление и надолго сохраняется в памяти.

Мы были очарованы картиной подводного мира, хотя техника наших пуговок на дне моря была так несовершенна, что мы могли оставаться под водой не более одной минуты. Вместо скафандров мы пользовались немного переделанными противогазовыми масками и даже просто ныряли и плавали на небольшой глубине ровно столько, сколько мог выдержать каждый.

Само собой понятно, что с такой первобытной техникой нам бы не удалось далеко уйти, да мы и не надейлись на это; всё объяснилось лишь желанием как можно скорее воочию познакомиться с тем материалом, с которым мы должны были встретиться в своей работе. В дальнейшем мы установили тесную связь с бакиевским эфиром (Экспедиция подводных работ особого назначения), который во многом облегчил нашу работу. Там мы обучили воловчатой технике нашего оператора М. Г. Пискунова и его ассистента Э. Д. Зюлова там же воспользовались специальным колоколом, позволяющим сквозь стёкла иллюминаторов наблюдать и вести съёмку морских животных на глубине до восьми — десяти метров.

Эти более совершенные условия дали нам очень много, главным образом в области предварительного изучения материала. Но уже первые подводные съёмки по ряду причин (несовершенство камер для съёмок под водой, трудность съёмки крупных планов, недостаток света и пр.) убедили нас в необходимости как

можно шире использовать все технические средства, в том числе и съёмку в искусственных условиях, в аквариумах. К этому мы и приступили, сразу же выбра́в для съёмки наиболее трудные объекты.

ТИШИНА В ПАВИЛОНЕ

Если бы кто-нибудь зашёл к нам в павильон, он мог бы подумать, что присутствует на синхронной съёмке звукового фильма. Действительно, бесшумные горючие осветительные приборы, переключатели шлангов — всё что свидетельствовало, что шум здесь — неприятный гость.

И действительно, многие из наших необычных «экстренов» были настолько чувствительны к шуму, что выражали свой протест в форме прямого саботажа.

Поэтому привычная команда режиссёра: «Притормози!» «Мотор!» — была совершенно изгнана и заменена другой, более походящей: «Тишина в павильоне!»

Второй команды, заведующей о фактическом начале съёмки, у нас не получалось, ибо, как правило, эти моменты были отдаными друг от друга дистанцией, измеряемой часами.

Подолгу просиживали мы около аквариумов, терпеливо выжидая нужный момент. В этом случае оператор предпочитал совершенно не расставаться с ручной аппаратурой. Каждая секунда, а иногда и доля секунды играли громадную роль. А как дорого стоят эти драгоценные минуты времени, ему было хорошо известно.

Но вскоре перед нами возникли новые затруднения.

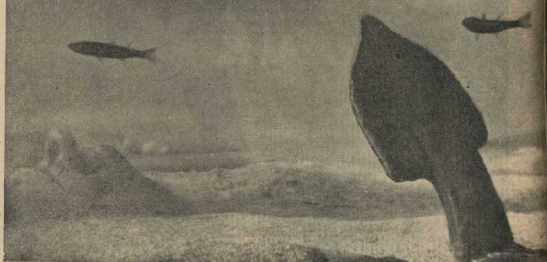
АКТИНИИ НЕ ХОТЯТ «РАБОТАТЬ» ПРИ СВЕТЕ

Как известно, активии живут в тёмных участках моря. Эти красивые морские животные, похожие на кризетовые, прикрепляясь к камням, распускают свои щупальца и так вылавливают добычу.

В своём аквариуме мы с абсолютной точностью создали уголок морского дна и впустили туда любимую пищу активий — маленьких рыбок.

Однако долгие часы бесперывного дежурства у аквариума ни к чему не привели. Активии, свернувшись в комочки ещё при распускании щупалец, упорно не хотели распускать щупальца. Делать было нечего, что эти бесполок неприхотливы съест.

Тогда мы решили вызвать у активий условный рефлекс — заставить их распускать щупальца не в темноте, как это они привыкли делать в естественных условиях, а при свете. В течение трёх недель мы кормили их при слабом электрическом свете. За этот микроскопический отрезок времени активии отказались от своих привычек и стали есть себя при свете так же, как совсем недавно в темноте. Так удалось нам заснять активий в момент заката добычи.

Кадр из фильма «В глубинах моря». В подводных пещерах.

Но примерно через месяц мы были свидетелями ещё более интересного явления. Мы взяли для съёмки тех же самых «редисорванных» активий. Но как только включили электрические лампы, — активии снова свернулись в клубочки. Оказалось, остальные без исключения, они за это время снова привыкли к темноте и стали прятаться от света. Пришлось отложить съёмку и дождаться уюта. И поразительно, на этот раз активии снова привыкли к свету, а то время как раньше нам потребовалось для этого около трёх недель.

МОРСКОЕ ОКУНЬ ОКАЗЫВАЕТСЯ ХОРОШИМ АКТЕРОМ

Секрет воспитания «экстренов» был открыт. Мы запаслись большой «группой», устроили для неё два специальных бассейна с проточной водой, но несколько дней никому из «экстренов» не давали пищи и только перед съёмкой начинали кормежку в особом аквариуме при свете электрических ламп.

Так, с разной степенью усилки, мы засняли рыбок-звездочек, султанок, сичеку со звездочкой, морского петуха и много других представителей подводного мира.

Дошла очередь до одного из самых прожорливых хищников — морского окуня. Эта вёрстая расписанная рыба забирается в густые заросли водорослей и оттуда стремительно выбрасывает

свою добычу — обычно небольших рыбок, выплывающих из верхних слоёв моря.

Окуня окуня — завзятый охотник. Подолгу, терпеливо подкарауливает он свою добычу, хищные глаза ни на секунду не отрываюотся от жертвы и следят за всеми её движениями. Наконец, стаяка маленьких рыбок проплывает совсем близко. Одно мгновение — и рыба оказывается в пасти хищника.

Мы постарались точно воспроизвести за экраном всю эту картину. Нам удалось и только показать самый процесс охоты, но не вызвать «картинки» хищника. И кажется, нам это удалось. Морской окунь оказался «экстреном» с выразительной внешностью и прекрасно исполнил свою роль...

КАПИРИЗЫ ЕРША

Съёмки активий, звездочек, морского окуня и других обитателей моря потребовали много труда. Но ещё больше усилий и терпения пришлось потратить на морского ерша. Эта маленькая подвижная рыба, еле отличимая от камней, оказалась самой капризной.

Несколько дней дежурства у камеры не привели ни к чему. Маленькая рыбка — старичка — постоянно плавала около ерша, много раз проплывала мимо его пасти, почти дотрагиваясь до неё и всё же не могла вывести его из оцепенения. Ерш оставался совершенно равнодушным

Как мы охотились за пельзазвонком

...С тех пор, как во время инвентаризации Фели Куца случайная пуля пробила мой правое плечо, все самые опасные поручения редактор неизменно давал мне.

— У тебя, Сергей Николаевич, очень лёгкая рука на такие вещи, — сказал он однажды. — Как ты поедешь, обязательно случится что-нибудь интересное...

Потому я не удивился, когда и чудовище финских шхер обрушилось на меня. В те годы — 1910—1911 — в газетах и журналах нередко появлялись сообщения о допотопных животных, несомном образом уцелевших и обитающих в глухих уголках земли, где сама природа устроила для них заповедники. Обычно дело происходило в центре Африки или на островах, которых нет на большинстве карт. Но дошла очередь и до наших мест.

Как-то утром редактор, держа несколько газетных вырезок, с горечью в голосе сказал мне: «Пельзазвонку развивается в нескольких верстах от Петербурга, в шхерах. Но, повидному, этот вопрос в нашей газете интересен только мне».

Вечером мне пришлось выехать на поиски чудовища. В помощники мне дали человека, писавшего «Заметки охотника». На его советы не было ничего крупнее, завети,

но он согласился ехать так равнодушно, словно всю жизнь охотился на пельзазвонков.

На Аландских островах мы прежде всего разыскали рыбакон, овиденных чудовище. То ли от страха, то ли из-за непрерывных интервью с угрюмыми стариками теперь всегда был кюд граудами, хотя до своей роковой поедки славился трезвым образом жизни. Рассказали они всю историю, однако, довольно скучно. Впервые приблизился к «чудовищу» далеко от берега, они заметили странный предмет, похожий на перевернувшуюся лодку. Довольно приблизился к «чудовищу» — и вдруг увидел длинную в несколько метров. Голова с громадной разнутой пастью медленно раскатылась за стороны и стороны, словно чудовище ухорало рыбакон за истрежение из его впадения или выражало соболезнование людям, попавшим в столь неприятное положение...

Как будто нет ничего проще заставить голубого краба джигнуть уютное место раба ажурной пищи. Однако на съёму этого момента мы потратили много минутных часов. Мы подолгу выдерживали краба на голубом ресталяе с наскриженными местами,— другими словами, никак не реагировали на пищу, позволенную прилом.

Тогда мы решили заставить их сделать это под действием электрического тока. Назад — двадцать вольт, мы с помощью ресталя постепенно увеличивали напряжение до тех пор, пока электричество не победило упрямство...

Краб выбрался из своей песчаной берлоги тогда, когда стрелка вольтметра, нервно подергиваясь, подошла к его двадцатому делению. Техника восторженствовала!

ПОГОНА ЗА ДЕЛЬФИНОМ

Как-то один журналист задал вопрос: «Сколько видов съёмки использовано в нашем фильме?»

Я слышал их восемь. Но, пожалуй, одно из самых красивых описаний, доставшая самая обаятельная, так называемая натурная съёмка — съёмка дельфина. Захватывая здесь самый процесс охоты.

Ежедневно на рассвете мы выходили в открытое море и проводили там весь день до позднего вечера. Но нам не везло несколько дней: море волновалось, а солнце лишь изредка показывалось из-за облаков. Только на пятый день удалось встретить косяк дельфинов в солнечные часы; море в этот день тоже как бы резко возмужало: нас за потерянное время и была парезность споконья. Лишь в этот момент, где мчался дельфин, «зимеда» вода.

Мы ещё издали любовались этими морскими красавцами. Ловкие, сильные, они скользили над водой словно быстроточные торпеды, мы пригласили на поединство, чтобы забрать воздух. И снова погружались в воду, для того чтобы продолжать свой стремительный бег. То и дело менял курс, используя каждый шаг возможности для совершения манёвра. Нам катер приближался к косяку настолько, что дельфины стали видеть совсем ясно.

Оператор Никунов улёгся на носовой части судна и, сменяя вышки, в своей явке, ловил аппаратом каждый потухающий для съёмки момент. Время от времени раздавался ритмичный шум автоматической камеры, прижатой к лицу оператора, а мы, сидя вращаясь на вращающемся кресле, держали его и едва успевали записывать снитые им кадры.

Поездка на этот раз оправдалась...

Описание процесса работы над фильмом можно было бы значительно расширить. Переизвести дневник съёмки, я устал, что там содержится ещё много интересного. Но, мне кажется, и приведенного достаточно, для того чтобы составить общее представление о характере и особенностях нашей работы.

Григорьевский, что глаза у него

большие, коряные, лапы — массивные, короткие, похожие на льявиные толпыны. Точнее вряд ли можно было описать собственную собаку.

Охотнику описание в общем понравилось. Только, дойдя до перестрою, где я в некотором пренебрежении говорил о добродушности трусости гигагита, ой вздохнул и сказал задумчиво:

— Хорошо, что плеомзавр не читает газет...

А теперь, когда перде моей лежит эта старая, пожелтевшая заметка, мне очень жалко, что мы не выдержали до конца и поспешили к плеомзавру. Вдруг действительно вынырнула бы из воды белобившая шар чудовища и голова с зубами корончатого добродушными глазами король потонула бы в грохоту нацеленной лодки!

С. Н. Григорьев

Кадр из фильма «В глубинах моря». Уловка морского дна.

ным к пище. Два оператора, дежурившие у аппарата, вынуждены от усталости.

Мы уже считали съёмку безнадёжной. Но вот наш главный оператор попросил кого-то слегка ударить рукой по стенке аквариума, для того чтобы напугать рыбку к его центру, где притаился брш. Рыбка быстро отскочила от стекла — и то, чего мы ждали в течение многих томительных часов, неожиданно свершилось. Брш молниеносно рванулся вперёд — и рыбка исчезла в его пасти. Всё это произошло так незаметно, что после всего неудач заставило нас восторг.

Момент был пропущен. В ожидании, пока брш снова проглотится, мы должны были опустить, по крайней мере, личей пятачок. Но мы решили не прекращать съёмку. Заметив, что брш схватил рыбку в момент резкого движения, когда она была голотной к его пасти, мы взяли новую рыбку и, приготовив оба аппарата, сверху — из рука — пустили рыбку на оршу.

Эффект был поразительный. Брш схватил рыбку, как только она поровнялась с его пастью, и два аппарата одновременно зафиксировали этот момент.

ОПЫТ С КАМБАЛОЙ

Мыслью о включении в фильм опыта с камбалой заманчива нам из замечательного труда академика Серикова. Восторженно исследуя

особности камбалы менять окраску тела в зависимости от цвета грунта, академик Сериков проделал много опытов и подробно описал их в своей книге по гидробиологии. И мы повторили два таких опыта. Съёмка их, зрелищно ожидая, не представляла особых трудностей.

Заметив, что камбала, принесённая из тёмного хранилища (бассейна, закрытого от света красной), довольно быстро меняет окраску на светлую, мы заранее подготовились к этому.

Перед нами, таким образом, остались только две задачи: во-первых, совершить на экране процесс, который камбала всё время находилась на одном и том же месте.

Задачу первую мы разрешили просто, воспользовавшись замедленной съёмкой, то есть съёмкой через определённые промежутки времени. Что же касается второй, то здесь применили испытанное средство: терение, терение и терение...

И опыт удался.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ПОБЕЖДАЕТ УПРЯМОСТЬ

Тот, кто видел наш фильм, вероятно, помнит эпизод, где показывалось, как трепыхаясь, краб пытается вылезти из песка и бегут к завтраку.

— Знаешь,— сказал охотник,—

я догадался, почему чудовище селится в мешках, где совсем нет рыбы, как утверждают все, видевшие его. Я знаю теперь, чем оно питается.

— Чем? — спросил я наивно.

— Такими дураками, как мы с тобой. По-моему, у тебя уже вполне достаточно материала для невольной заметки. Едем обратно. Разве в такой темноте я попаду тебе в голову! Оно разделается с нами, как с кроликами.

— Чем? — спросил я наивно. В полной темноте мы не сразу увидели ушки выход из бухты. Была минута, когда нам казалось, что мы отчуждены в странной лодке, закрытой чудовищем неземным способом.

— Заметку я всё же написал. Она называлась «Чудовище финских шхер» и вызвала много откликов. Правда, я прямо не говорил, что там жила плеомзавра, но рассказывал, что цвет его тёмно-коричневый, переходящий на животы в

Что было дальше, рыбки не помнил: по их словам, они гребли руками и ногами, привалили совсем не туда, куда их надо было, и запомнились только на следующий день. Охотнику моему почему-то больше всего не понравилось, что у плеомзавра красивые глаза.

— Хищник! — сказал он сквозь зубы.

Но дога гнал нас вперёд. В финских шхерах мы взяли напрокат маленькую лодку (в расчёте, что плеомзавр может быть, не заметит нас) и отправлялись в бухту, где несколько дней назад чудовище плавало на глазах одного наблюдателя и остео его семейства. Рассказ человека, повествовавшего свою жизнь товыми наукам, показались нам наиболее заслуживающими доверия.

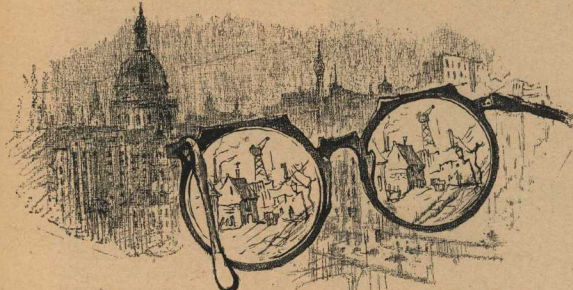
Когда мы увидели эту одну кую бухточку, окружённую чёрными отнесными скалами, мирно отражающимися в исклянистой воде, у нас склеились сердца. Ни

водорослей, ни рыбы, словно море здесь было отравлено чем-то. Полюско плещеры, губоубие, тёмные, и которых чуть хлопнула вода, словно слепой влажками громадных ладонями полхотывал по каменным стенам, стараясь найти выход.

Весь день мы простояли у берега. За обедом я вынул стакан воды. На душе стало легче. Охотник тоже потонулся было к бутылке, но я категорически запротестовал.

— Тебе нужны твёрдость руки и меткость глаза, от которых зависит наша судьба.

Я так раскраснелся, что вечером лёг на носу лодки тусклым матом — для приманки плеомзавра. Заголовок заметки был уже придуман: «Человек, смотрящий в глаза плеомзавру». Охотник в сиче не шёл. А потом нам вдруг стало так страшно, как не бывало никогда в жизни.

Т. ХАРТ

ПРЕЖДЕ ОН МНОГО НЕ ЗАМЕЧАЛ

Рассказ

Ириэ Роберте производил впечатление мечтательного человека, ибо, помимо того, что он был близорук, он был медлительный в движениях, долговязый юноша с темными волосами, которые имели привычку торчать по обе стороны без всякого на то повода. В свободное время он обычно сидел, угнувшись в какой-нибудь экзотический роман, взятый из Портретуанской бесплатной библиотеки. Его близорукость была не сильная. Он ещё мог читать без очков (хотя и должен был низко склониться над книгой), но глаза его быстро уставали. И если он хотел сосредоточиться на чём-нибудь зрительно в особенности, когда ходил в кино, — то должен был шуршать так, что морщины разбегались из уголков его глаз, словно веревки лианы.

Ириэ работал в аптеке Аль Дойвиса, который вот уже тридцать лет изготовлял для одним и тем же прилавком давно проперенные лекарства. Склонность Дойвиса к традициям была примечательна: он стойко отклонял предложения (единственный аптекарь в долине, который отклонял их), парфюмерные фабриканы предлагали внести витрину аптеки их соблазнительными товарами, макетами, сделавшими разрозненными рекламами и продавать их продажно.

— Я аптекарь, — обычно говорил он, — а не рекламное бюро!

И он почти с жалостью смотрел на них поверх очков, так что поспея кремень для лица, эскерор для рощения волос и тусоватного мыла понимали всю бесплодность попыток убедить этого погруженного во мрак невежества фармацевта в устарелости его предпринятия.

Возможно, что упрямство Аль являлось помехой излещтву портретуанских модниц, но оно было также и косвенным источником радости для его помощника. Ибо нередко явным доказательством его упорной верности традициям было стояние на витрине пять огромных шаров с подраженной кислотами водой, пять ги-

гантских сосудов синего, зелёного, пурпурного, жёлтого и красного цветов, чей флуоресцирующий блеск наношала аптеку. Эти шары являлись одной из зрительных радостей — действительно одной из очути, невозможных радостей — в жизни Ириэса Роберте. Прежде, когда, бывало, он два раза в день проходил мимо аптеки на своём изодранном пути в портретуанскую школу и обратно, он никогда не пропускал случая выразить почтенье этим пяти символам того, в чём — он был уверен! — заключался истинное волшебство, благодаря которому Аль изготовила свои знаменитые лекарства.

Тогда он ещё не знал, что окажется тем счастливым, который каждый день будет смотреть на эти пять шаров и видеть, как солнце светит сквозь них и заливал аптеку неземным светом.

Ириэ мечтал, что стипендия, давшая ему возможность учиться в школе, в конце концов даст ему и возможность уехать в Кардифф, уехать вообще из Южного Уэльса, где нет никаких надежд на будущее. Он хотел поучаствовать об окончании школы и стаа готовиться для поступления в университет.

Возможно, потому, что его глаза начинали ослепнуть, быстро уставать (хотя тогда он и не подозревал, что зрение у него не в порядке), он сбавил темы учёбы, начал терять уверенность в себе. Конечно, были и другие причины. Долгое, вынужденное отсутствие его отца, например, и вечная нужда семьи Робертов и всех окружающих сильно подкосили его честолюбие.

И тогда он обратился с просьбой занять его на работу в аптеку Аль Дойвиса. С этого дня гигантские шары, с которыми он уже был знаком, стали частью его существования. Теперь он мог, не отрываясь, смотреть на изумительные украшения на их изогнутых поверхностях, на пятна зелёного, жёлтого, синего, красного и пурпурного цветов, которые они отражали, когда светил солнце.

В конце концов Аль Дойвис начал замечать, что зрение его помощника становится всё хуже.

— Вам нужно завестись очки, Ириэ, — сказала он однажды, когда в аптеке было затишь и юноша низко склонился над книгой из бесплатной библиотеки.

— Вы так уверены, мистер Дойвис? А мне казалось, что моё зрение не так уж плохо, — и он взглянул на шары, словно для того, чтобы удостовериться, что он видит их так хорошо, как обещали. И он металательно и нечаянно посмотрел на своего хозяина и улыбнулся, что было больше результатом привычки, нежели восторга или радости.

— У моего сына оптический магазин в Кардиффе, — продолжал аптекарь, не обращая внимания на улыбку юноши. — Вы должны съездить и позволить мне Пускею он посмотрит ваши глаза и скажет, нужны ли вам очки. Можете поехать в четверг. Ничего, пропустите вторую половину дня. Я спрячусь один. Если вам будут нужны очки, я попрошу Ириэса сделать их вам подешевле. Я позволю ему и попросу принять вас, — и, довольный своей заботливостью, он пошёл к телефону.

Наступила вторая половина четверга. И Ириэ, надев свой лучший костюм, поехал в 3.20 отправился в Кардифф.

Выйдя на станцию, он впервые осознал, что его зрение действительно не в порядке. Незнакомые здания и люди, выходящие из своих автомобилей и тратящие деньги в магазинах, люди, которых Ириэ никогда не встречал в Портретуане, разбулали в нём сильное желание видеть.

Десять минут ушло на то, чтобы дойти до оптического магазина.

В витрине была выставлена женская голова из белой пластмассы, в очках с довольно глупо выглядящей розовой оправой. Слова «K. W. & Co. Optician» и «W. & Co. Optician» — ОРИЭН ДЭВИС «W. & Co. Optician» отчетливо выдвигались над входом.

В салушестве десять минут глаза Ириэ так были осмотрены: он читал ряды с уменьшающейся букв и цифр и покорно отдал себя на исследование различным аппаратам. Затем Онерин с профессиональным видом, в котором он был так же, что «обычная близорукость», сласла запись на карточке и, сказав, что очки будут готовы в понедельник, пореала Ириэса — грубым движением, словно вещь, — шестушей молодой девушке, которая помогла ему выбрать оправу.

Когда Ириэ шёл обратно на станцию, уже ступившие ступором. Тотчас же выходящий свет амес из витрин магазинов. Никогда прежде не видел он подобной роскоши и блеска, по сравнению с которыми его шары в аптеке портретуанской аптеки были чепухой. Один особенно привлекательный ресторан заставил его пожалеть, что у него нет денег. Магазины в основном имели в виду не столько всю дешёвую безделью, даже самую лучшую его костюма. Рекламы кино и воспоминание о девушке в оптической мастерской вынуждали его и зарождал какой-то внутренне беспокойство, которое он никак не сумел Ириэ, — он мог бы пойти в кино... Но без денег, кроме тех, что были у него на обратный билет, сделать ничего невозможно. И, прочитав название, он побла на станцию, хаоадную и тускло освещённую — мертвящий контраст с весёлыми улицами, которые он только что покинул.

В последствии вечером, как только Ириэ испробовал очки, ему показалось, что он вошёл в новый мир. Это произошло в аптеке Дойвиса, наиболее удивительным образом для открытия чего-либо нового. Внезапно всё вокруг него изменилось. Резкую зрительную чёткость и яркость деталей. Глубоко испещрённое морщинами лицо хозяина и седые редкие волосы задержали его внимание. И, прочитав название, он почувствовал, какое чорта Ириэ устался на него. Слякани на полках, ладилки на нависающих резко выступили перед его глазами. Только его возмущённые ша-

ры — менее сверкающие теперь, так как уже смеркало, — оставались почти такими же, какими он привык их видеть. Хотя даже и на них он замечал странности, но, пожалуй, гораздо более детально, чем то, которое он замечал прежде.

По дороге домой Идрис с замиранием сердца узнавал лица мужчин и женщин на противоположной стороне улицы, и в его голосе появлялась радость, когда он здоровался с теми, которых знал. И когда они приходили домой, чудесным пир ждала правда, не такой, чтобы наполнить его никогда не бывавший полным желудок, но пир забытых подробностей, вещей, комнат, которые до сих пор были для него так же распахнуты, как и внешний мир.

Вскоре после того, как он кончил ужин, состоявший из хлеба, маргарина и бледного чая, Анковане по повелюю его обильного зрения начало уменьшаться, когда он стал анализировать некоторые из вновь оживлённых деталей. Его мать с шипящим лицом и изборозженным морщинами отталкивавшей от долгой носки... Отец, опустившийся за время своего вынужденного безделья... Тёмные, застывшие стены их жилища, покрытые пятнами сырости, саоманная мебель, равные ковры, — в каждом углу бедности, едва скрываемая гордостью, которая быстро уступала дороге отчаяния.

Идрис раньше обычного отправился спать, задумчивый и грустный, не зная, как относиться к своему внезапно обострённому зрению. На следующий день он не надел очков, пока не вышел из дома, не направился на работу. В утренней дымке, смягчавшей уродство домов, холмы по обе стороны долины резко и чётко вырисовывались на фоне неба. Снова Идрис почувствовал волнение от открывшегося ему мира.

Приближаясь к угольным копям, он увидел башни, которые вытаскивали шлак из единственной ещё действующей шахты. Поворот дороги позволил ему увидеть медленно двигающийся ряд башей. Высоко над ними, на таком расстоянии, которого не могло охватить зрением даже его новое зрение, высились галдекий конус, к нему башни незаметно и беспрерывно прибавлял свой содержимое.

Прежде, когда он ещё был мальчишкой, Идрис видел, как росли эти навалы шлака. За годы, когда испортилось его зрение, навалы перестали расти, а он даже не замечал этого. В это утро всё было иначе. Навалы стояли перед его глазами — остры, чёткие и беспомельные, чудовищно уродливые, — вымывавшие молчаливую ярость, клочковатую у него в горле... Он шагал мимо длинных рядов запущенных, грязных шахтёрских лагуч, построенных прямо на дороге. На секунду, увидев знакомую фигуру, приближающуюся по другой стороне улицы, он позабыл обо всем. Это была девушка, чуть старше его, которую он встретил однажды, когда она шла на работу в мануфактурную лаучу. Они всегда встречались, идя по противоположным сторонам улицы, и общивались, а улыбаясь друг другу, иногда обменивались обидными приветствиями. Дальше этого дело никогда не заходило, хотя Идрис и по сторонам вокруг девушки мечтательно асгегелл. Каждый раз он обязательно приглашал её пойти с ним в кино!

Когда девушка подошла ближе, он покраснел от мысли, что его очки могут показаться ей нелепыми. И как раз в тот момент, когда она улыбаясь ему, много, как ему показалось, открытнее и проще обычного, — он похолодел. Он разглядел черты её лица и её одежду более подробно. И он увидел, что её лицо было бледно и измождено, а одежда изношена

и стара... Едва слышно он произнёс приветственное «хелло» и поспешил пройти.

До аптеки Идрис шла не останавливаясь. И, внезапно, с решимостью, необычной для него, Идрис сбрынул с носа очки и сунул их в карман пальто. Затем он открыл дверь аптеки и вошёл. Он прошёл жесткие морщины в уголах рта.

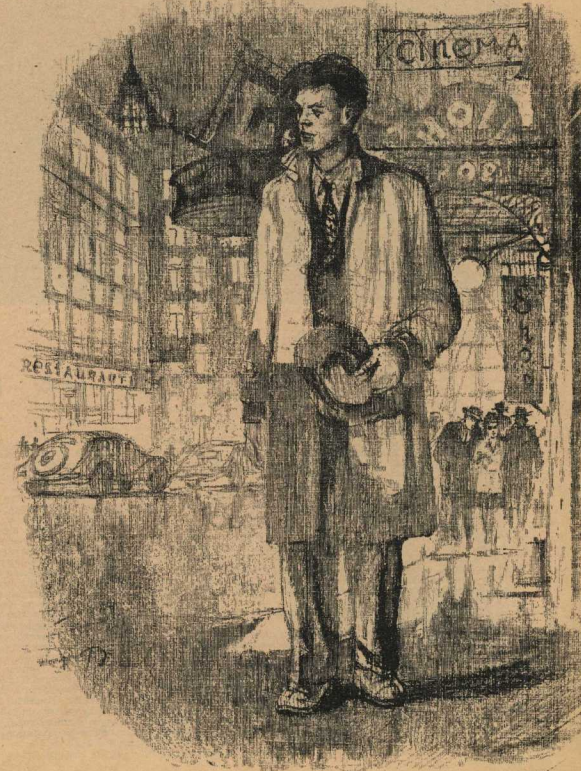
Он решил держать очки в аптеке. Он никогда не возьмёт их с собой домой, никогда не будет носить их вне аптеки. Он не хотел в это. Во всяком случае, до тех пор, пока достоинство и проницательность вновь не вернутся в долину и не изгонят уродство, не вычистят эти нестойкие ледяя жмакца, не поправят лицо его матери, отец, девушки, которую он встречает по утрам. Ибо Идрис не знал никакого пути, по которому можно направ

вить свой гнев, чтобы он принёс результаты.

Он положил очки в футляр и спрятал. Затем подумал, что только на улице ему заметна его близорукость, что на самом деле он и в аптеке может не носить очков. И он снова вынул очки и, аккуратно завернув их в большой кусок мягкой, тонкой бумаги, чтобы они не пылались, спрятал обратно в ящик. Он чувствовал, что много лет должно пройти, прежде чем он снова захочет надеть очки, — много лет, прежде чем долина изменится от промышленного застоя и люди, которые тут живут, обретут новую и достойную радость жизни.

Пока же у него оставались его пять огромных шаров с похороненной кислотами водой и книги из бесплатной библиотеки.

Перевод с английского Юрия СМЕРИНОВА

Никогда прежде Идрис не видел подобной роскоши и блеска.

На леднике.

Фотограф А. Штеренбергс

ВОСХОЖДЕНИЕ НА КАЗБЕК

Осенью 1910 года в газете «Терек», выходящей во Владикавказе (ныне город Дзунджикау), появился очерк журналиста Сергея Миронова, оспаривавшего восхождение на Казбек. Он восторженно описывал раскрывшуюся перед ним панораму Кавказа:

«Нет никакой возможности описать то величие, которое открывается отсюда. Хочется упасть на снег и целовать его от восторга, охватывающего тебя при виде этого грандиозного многообразия природы и беспредельного величия её.

Какой простор! Какая очаровательная красота во всех этих снежных гигантах, мощно возвышающихся к небу! Какие разнообразие цветов и тонов в этих скалистых утёсах бесконечной цепи гор, теряющейся где-то далеко, далеко.

А там безбрежная равнина, убегающая на север, по которой ползают самые причудливые тени облаков, не смеющих подняться выше тебя.

Кругом тишина; здесь никто не нарушает её; тут не видно никаких следов жизни...

Как глубоко всё это трогает душу и сердце человека! Им овладевает такое чувство восторга, описать которое — сверх человеческие силы...»

Имя Сергея Миронова было знакомо читателям «Терека». Оно часто стояло под боевыми, страстно написанными статьями. «Сергей Миронович» был не кто иной, как Сергей Миронович Киров. В 1916 году под фамилией Миронович он жил во Владикавказе и работал в местной прогрессивной газете «Терек».

Немногие смеельчаки отваживались в те годы подняться на Казбек. К группе таких смеельчаков прикинул молодой Киров.

Альпинистов вёл в трудный путь селой Яни Везуртано, прославленный горный охотник и проводник. Он с лонкостью тура перепрыгивал со скалы на скалу. Участники восхождения полком пробирались над отвесными обрывами, карабкались по обледенелым камням.

Уже первые лучи солнца осветили вершину. На тёмно-голубом небе она горела, как гряда драгоценных камней. Чем выше, тем трупнее подъём. Воздух разрежен. Человек хватает воздух ртом, как рыба, вылащенная из воды. Приходится отдыхать после каждых десяти-пятнадцати шагов.

Часть спутников отказывается продолжать подъём. Но Киров не отступает. Он напрягает последние силы. Наконец, вершина взята. Он на высоте 5043 метра над уровнем моря...

«Тридцать лет спустя грузинские альпинисты поднялись на Казбек. Они поставили там бюст С. М. Кирова...»

Восхождение на Казбек было не единственным альпинистским походом Сергея Мироновича. В 1911 году (то есть через год) он побывал на высочайшей вершине Европы — Эльбурсе.

В дни великой битвы на Кавказ, у его горных хребтов было остановлено наступление немецко-фашистских войск, положено начало их разгрому. Пророчески зазвучали тогда слова Сергея Мироновича Кирова, произнесённые им много лет назад на съезде народов Терской области:

«Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но, что эта цепь горных скал является той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в этих горах слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня... истинных сил демократии...»

САМАЯ БОЛЬШАЯ РЕКЛАМА РЕВОЛЮЦИИ

В августе 1935 года неподалёку от Поинт Барроу, на Аляске, совершил трагический акт вместе с американинским лётчиком В. Постом, погиб в воздушной катастрофе известный американский юморист Вилл Роджерс.

На своём языке Роджерс перепробовал много профессий. Он был ковбоем и актёром Бродвейских цирковых трупп, сценаристом и кириллексиером, но без успеха играл в водевиле роли комиков, но истинское призвание нашёл в журналистике. Остроумные фельетоны Вилла Роджерса на самых различных злободневные темы регулярно появлялись на страницах наиболее распространённой в США газеты «Нью-Йорк таймс» и принесли автору громкую известность.

Слава Роджерса была так велика, что, пожалуй, единственный раз в истории Соединённых Штатов журнал «Атланта» сменил своего колонка в газете, хотели выдвинуть кандидатом в президенты. Возможно, поводом для этого послужили его фельетоны, изданные старым журналом по сумам экзотик и имени «Косбай-Философ о мирной конференции (выпущенные вскоре после первой мировой войны)» и «Письма доморощенного дипломата своему правительству».

Странно, который публикуется ныне, взят нами из сборника Вилла Роджерса, опубликованного в 1927 году. Шельтоны — увы! — всё ещё не утёрли злободневности: хотя с тех пор прошло около 20 лет, но и по сей день имеют боёвые площадки в Старом и Новом свете иной раз берётся писать о России, имея о ней представление лишь по бутерброду с русской зернистой икрой...»

О России сказано и написано сейчас больше, чем когда-нибудь говорилось и писалось о чужестранце в политике или о помощи фермерам, и также без толку.

Мне следовало бы написать о России раньше, но о ней пишут все, кому не лень, и я решил пока не выписываться, а всё писать и писать...

В воскресных изданиях газет полагается больше заметок о России, чем даже о жёлтых униформах своих мучей, или о людях, перепалывающих Дамаски. Если вы не можете пробраться в газету, за чем же остановка? Вот величайший совет для всех любителей-интересов написать что-нибудь об этой стране, — вы сразу узнаете человека какой-нибудь диктатор-профессора!

Россия — величайшая страна мира, и мужчины и женщины вкладают своё авторитетное мнение о ней — мнение, которое не может даже вам представляться, хотя бы с высоты птичьего полёта, даже о княжестве Монако, все жители которого можно закидать зелёными яблоками, став на какой-нибудь пригорок.

Мне всегда казалось чудом, что ни Патриция Зитфанд, ни Бэби Паджи, ни Полина Лонгфорд, ни Ник Отрок — не написали книги о России. Какой-нибудь член конгресса приезжает в Париж для ознакомления с кафе, выпивает чашку кофе, делает о нём доклад, выслушивает чью-нибудь зернистую икру (которая ему не нравится, но, что подделана, другие хвалят) и, вернувшись на родину, рассказывает об условиях жизни, существующих в Европе и России.

У России есть особенность, которой, я думаю, не насладившись ни одна другая страна: любая представительница женского пола, вышедшая оттуда — княгиня, а самый низкий титул удараемого на России представителя муж-

ского пола — это князь, а если он удар очень поспешно, — великий князь. Судя по количеству титулованных особ, прибывших оттуда, можно вывести впечатление, будто единственной целью России было не помочь обездоленным, как это в основном было задумано, а способствовать развитию заграничных поездок князей и княгинь. Статистика ударных князей, князьки, 72 процента мужчин были великими князьками, а остальные 28 процентов — только князьками. Женщины на все 100 процентов — княгини.

Половину своего времени в Париже вы тратите на выслушивание какой-нибудь американской эмиграции, рассказывающего о весточной доле бывшей русской знати:

«Человек, который только что открыл вам двери такси перед входом в этот бор, был великим князем и родственником царя!»

Все они обязательно родственники царя!

«Человек, вызывающий машины, был князем и даже был бы великим, продержи строй ещё немного.»

Вы просто попали в гнездо царских родственников! Телефонистки — бывшие княгини, шёферы такси — князья, и, повторяю, все они срощи царя.

Ничего нет удивительного в том, что с человеком имеющим такое количество родственников, что-нибудь случается. Быть об заклад, если бы правда выпала наружу раньше, вероятно организация бы свою смерть. Будь у него хоть сотня дяди такого количества, вы бы пригласили наёмных убийц, чтобы они как можно скорее лишили меня жизни.

Рассказывают об одном парне, который был очень близок к царю, кажется, даже его близнец. Он торгуя земляными орехами на улице, Мы пытались размазать его. Не пошло, что он заинтересовал меня, а потому продолжил размазывать только орехов. Меня моментально убили, но часами вам рассказывают о том, как вылощенные, и высокообразованные и культуры были они. Они знают, какой темпоритус следует пить различные вина, но большинство на них даже понятия не имеет, как заработать доллар, чтобы купить это вино.

Если это — всё, что они могут делать, как же тогда думали они управлять такой Угрозной страной, как Россия? Если открывание дверей такси у входа в кабак с подачей водки или монеты офицеру в битые посуды — верх того, к чему их способности привели их за последние годы, то это доказывает, что о России которые они провели в России, вовсе не заслужили от их личных способностей.

Если бы существовавший в Америке республиканский стрей был свергнут и все республиканские кандидаты на Вашингтона, никто из виганников не открывал бы дверей такси ни для кого, кроме как для себя. Даже члены конгресса умели бы ухаживать за своим садом. Конгрессмены или как и в изгнании, русские дипломаты, могут пометать о возврате старого режима и вспомнить былые дни, когда они сидели возле пылающего камня в Белом доме и с смехом разговаривали о Лиге наций и о возможности офицерства. Но она всегда оставалась бы на поверхности.

Пусть меня считают жестокосердечным, но я просто не могу заставить себя лить слезы над судьбой старых князей и княгинь, видя лишь людей, мучающих меня, но очень мало симпатизирующих. Они могут поддерживать беседу на смеси разных языков, но не могут поддерживать своё существование хотя бы одним из них. Они интригуют и гонимы, но не могут научиться большому танцу, чтобы научиться им достаточно хорошо, чтобы можно было зарабатывать этими деньгами.

Если бы я встретил в Париже русского и вы сказал мне: «Я был в России бедным крестья-

нином. У меня никогда в жизни ничего не было. Мне всегда приходилось много и тяжело трудиться за всю жизнь и даже не видел царя. У меня не было никакой культуры, я не был ни рафинированным, ни образованным, и просто боролся за место в существовании» — я бы ушёл такого русского на Патрицию Зитфанд, а ещё собрал ему миллион франков. Люди бы с ума сошли, такой он являлся бы новинкой. Конечно, таких нет. А если бы и были, то занялись предсказательской деятельностью, а не ещё сажали бы души в гробы. Нет, сэр, ничтожные способности многих русских, бежавших из России, это самая большая реклама Революции.

Так вот, когда я увидел, что о России не решают поехать в эту страну. Я один раз вел исследование и обнаружил, что ни одна книга, посвящённая России, не рассказала то, что собираются рассказать я, и что больше всего, чем на что-либо другое в мире, и также вступую.

Так вот повизна и правда о моей книге о России:

«Истинственный человек, когда-либо писавший о России, который признает, что он ничего не знает о ней.»

И, с другой стороны, я знаю о ней ровно столько же, сколько любой человек, когда-либо писавший о ней.

Никто ничего не знает о России.

Я прочёл десятки книг и сотни статей, как например: «Полдня в России, описанная тем, кто провёл пять лет в московской тюрьме», «Мое десятилетнее изгнание в Сибирь, описанное настоящим русским», «Сердце России», «Россия, как я знаю её». Записки частного смельчак и миллионы других. Как может кто-нибудь из московской тюрьме? Или как представление о финансовом и экономическом будущем государства могут дать десять лет, проведённые в ссылке в Сибирь?

Задумайтесь над этим. Предположим, кто-нибудь придёт к вам и скажет: «Расскажите мне об Америке». Как можете вы рассказать об Америке в заметке, а книге или даже в поэме не рассказать о ней всё? Так, если никто не сможет написать всеобъемлющего очерка об Америке, как это можно написать о России, которая настолько больше нашей, что мы могли бы бороться в ней, подобно какой-нибудь мысли на заседании конгресса...»

...А если он удар очень поспешно, — великий князь...

КРОССВОРД

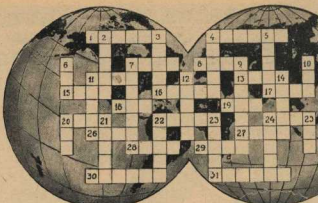
ВТОРАЯ СЕРИЯ ВОПРОСОВ

1. Когда горящая свеча считалась достоянием уйки для обвиняемого государственного преступника?
2. Назовите самое глубокое озеро в мире.
3. Сколько костей в человеческом скелете, и одинаково ли их число у всех людей?
4. Кто изобрёл лёдокол?
5. Когда и кем была совершена первая попытка достичь Северного полюса по воздуху?
6. Где расстояния измеряются при помощи единицы времени?
7. Где самое холодное место на земле?
8. Какой химический элемент был впервые обнаружен на солнце, а не на земле?
9. Почему группа островов на крайнем юге Америки называется Огненной землёй?
10. Каков млекопитающее животное неёт яйца?
11. Что такое белый и голубой уголь?
12. Каков первое применение нашей европеизированной лупы?
13. О каком знаменитом исследователе и путешественнике Л. Н. Толстой писал, что «он в самом диком на земле шаре человек умел найти человека и пробудить в нём человеческие проявления»?
14. Какие яды содержатся в воздухе наших жилищ?
15. Где находится крыша мира?
16. Какой русский учёный славился множеством личностей?
17. Английский поэт Драйден писал о человеке, прославившем себя изучением земного магнетизма: «Он будет жить, пока магнит не перестанет притягивать...». Кто это учёный?
18. Английская солдатская песня сделала широко известным название крошечного ирландского города Тилперри. Какая другая песня разнесла по всему миру название одного — небольшого тогда и малоизвестного — порта?
19. Когда нельзя пользоваться ртутным термометром?
20. Кто сказал: «Пророк не тарит пустоты»?
21. Теперь никого не привлечёт что-либо, названное «рухлядом». А что раньше называлось «мягкой рухлядом»?
22. Какой важный русский учёный разгадал важную военную тайну одной страны по широко опубликованному статистическому отчёту железных дорог?
23. Первобытный человек, глубоко заглянувший в окружающий нас невидимый мир, не отличался скромностью. Своему многоименному труду он дал гордое название: «Тайны природы, открытые». Кто это учёный-микроскопист? Какие имя и фамилию надо поставить здесь вместо многоточия?
24. Названию какой смолы послужило для создания «имени» важнейшей отрасли человеческого знания?
25. Что такое «Голубая лентя Атлантического океана»?

(Ответы в следующей номере).

Ответы на первую серию вопросов

1. Нобелевская премия (за труды, способствующие развитию мира), учреждена инженером А. Нобелем, получившим миллионы после изобретения им динамита.
2. Современная техника позволяет определять расстояния, оставшиеся на бумаге, когда карандаш ставит точку.
3. Полное истощение — точка нулевой бастины, наиболее удачной от точки зрения в геологии арктического ледяного массива.
4. Мари-Франсуа Арза для своего литературного исследования выбрал фамилию Вальтер.
5. В 1825 году был выпущен фильм с портретом Константина Ивановича, брата Николая I. Сейчас это редчайшая монета.
6. Опущенная в ледяной бассейн вода неминуемо превращается в смертельный приговор победителю гладышу, просящему у артефакта помощи.
7. В новелле Жюль Верн «Наследство Котгамы» описан профессор Шульце, слово вымышленный из Ньвербергского процесса немецких военных преступлений.
8. В современных радиотерапевтических применяется зинна, носившая название оптического глаза.
9. Второе сердце человека — артериальное. Стенки сосудов, состоящих из гладких и мышечных мышечных волокон, сами активно сокращаются и, проталкивая кровь, помогают центральному сердцу.
10. Средний ежегодный прирост населения земного шара составляет до войны около 0,56 процента. И СССР после Великой Отечественной революции родился 100 млн. человек. Это даёт гордое বলে ইসলাম принцип ежегодного прироста, чем средний мировой.
11. Между Петербургом и Парижем в 1856 году была проведена первая русская железная дорога. Сигналом, предупреждающим восторженных людей о движении поезда, служил орган, установленный в передней части паровоза. Углуб его верёвка кондуктор.
12. Айны живут на Курильских островах и на южной половине Сахалина.
13. Академик В. А. Бручич написал научно-фантастические романы «Шутоши» и «Клема Сивичева».
14. Русской свечой назывались азиатские лампы, изобретённые Ибн-аль-Хайсамом. Электрическая дуга и этой свече горела жёлто-зеленым, разбрызгивая калюшники.
15. 17 февраля 1600 года на Палатинской площади в Риме был сожжён Джордано Бруно.
16. Это слово великого русского учёного И. П. Павлова.
17. Марат был врачом.
18. Между двумя параллельными линиями прослойки — междуполовые или жирн, — сжимались под давлением тяжести тела. К вечеру человек укорачивается на 1—2 сантиметра.
19. Если при температуре в 100° пропустить через раствор соли, то температура этого раствора может быть понижена стертующими паром до 110° за счёт выделения энергии при конденсации пара. Холодный пар не перестаёт конденсироваться и будет приходить через раствор солей, пока раствор, только когда тот закипит, что происходит при 110°. Это один из принципов действия холодильника.
20. Принявший мучениче науки, сохранил себя единственно во всех частях мира. Во Всесоюзном институте экспериментальной медицины в Москве он был установлен как прекрасная «Янтарная собака».

КРОССВОРД

Составил читатель «Смены» Э. Борисовский

По горизонтали:

1. Солёное озеро в СССР. 4. Столица Кубы. 7. Река на Кавказе. 8. Город в Турции. 11. Река во Франции. 13. Горный хребет в СССР. 15. Город и порт на Азовском море. 16. Река в СССР. 17. Столица республики Перу. 18. Озеро в Африке. 19. Озеро в Турции. 20. Город у Чудского озера. 22. Остров в Тиреосском море. 24. Река в Голландии. 26. Приток Дуная. 27. Город во Франции. 28. Река во Франции. 29. Вулкан на острове Сицилия. 30. Город на юге Китая. 31. Город и порт в Китае.

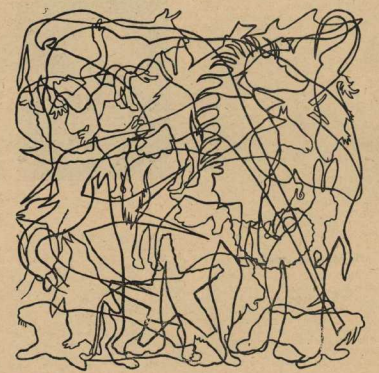
По вертикали:

2. Город в Западной Украине. 3. Река в Белоруссии. 4. Столица Голландии. 5. Государство в Гималаях. 6. Остров в Нидерландской Индии. 7. Столица Венесуэлы. 9. Остров в Нидерландской Индии. 10. Город в Башкирии. 11. Остров в Эгейском море. 12. Горы в Европе. 14. Горный хребет в Азии. 20. Вид Антилопы. 21. Порт в Болга-

ОТВЕТЫ

Чайворд (№ 1)

1. Россия. 2. «Землетрясение». 3. Нью-Йорк. 4. «Фригия». 5. Восток. 6. Немо. 7. Озёр. 8. «Кавказ». 9. Помпеи. 10. «Ата-Ферх». 11. «Стамбул». 12. Море. 13. «Ильвер». 14. Тун. 15. Норва. 16. «Альп». 17. Ява. 18. Борне. 19. «Стамбул». 20. «Альп». 21. Турция. 22. «Стамбул». 23. Солвет. 24. Тон. 25. Мелеско. 26. «Юра». 27. Ромен. 28. Пондаль. 29. Арго. 30. Деят. 31. Парус. 32. «Альп». 33. «Юра». 34. Диван. 35. «Альп». 36. Арман. 37. «Стамбул». 38. Индонезия. 39. «Альп». 40. Дельта. 41. Остров. 42. Видим. 43. Манас. 44. Стамбул. 45. Борне. 46. Баренци. 47. Исл. 48. Леф. 49. Фарс. 50. Стамбул. 51. Дресса. 52. «Альп». 53. «Стамбул». 54. Рифт. 55. Анталия. 56. Тоскана. 57. Каньон. 58. «Малакка». 59. «Альп». 60. Ионизирующий. 61. «Шарлотт». 62. Лепороза. 63. Остров. 64. «Альп». 65. Ортопед. 66. Нильсон. 67. Амур. 68. Гатри. 69. Валакка. 70. «Альп». 71. Песня. 72. Остров. 73. Петербург. 74. Вулкан. 75. Тучин. 76. «Враты». 77. Илон. 78. Пинг. 79. «Альп». 80. Стамбул. 81. «Альп». 82. «Мундо». 83. Тагор. 84. «Альп». 85. «Мундо». 86. Устье. 87. «Семьдесят». 88. Тасос. 89. Остров.

ДЛЯ ЗОРКОГО ГЛАЗА. На рисунке изображены двадцать животных. Назовите их.

... о прочитанном

«Человек на песах»

Советская Сталинград становится на песа новой Сталинград пятидесятки! ЦК ВЛКСМ принял постановление об участии комсомольских организаций в восстановлении разрушенных немцами 15 крупнейших русских городов: Смоленск, Вязьма, Рostова на Дону, Краснодар, Новороссийск, Севастополь, Новоград, Новгород, Воронеж, Саратов, Луки, Калинин, Брянск, Орел, Курск, Мурманск. Развертывается социалистическое соревнование молодых строителей.

Пятидесятый план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы предусматривает восстановление и новое строительство государственного жилого фонда в размере 72,4 миллиона квадратных метров жилой площади.

«Дорога наверх»

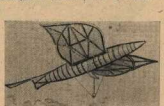
Замечательный французский учёный Ланжевен, о котором рассказывает очерк Вл. Рогова, не однократно в своём прошлом жила и трудилась под знаменами коммунистической партии. В августе 1942 года, незадолго до своей смерти, известной американской писательницы Теодор Драйзера, автор «Американской трагедии», писал председателю Коммунистической партии США Уильяму Фостеру: «Я приветствую с особым удовольствием сообщение о том, что такие крупные учёные, как французский физик Жюль-Кюри, французский математик Ланжевен, были в коммунизме (как это было с английскими учёными). И теперь уже несколько лет назад) не только бескорыстно и преданно, но и характерны для научных исследований, но и повышение плодотворности научного подхода в их специальной области от научного подхода к социальным проблемам. И также рад был узнать, что художники и писатели, преданные делу народа (назовём испанца Пабло Пикассо и француза Луи Арагона), привнесли в коммунизм, уже раньше чем я, своим в своих работах крупнейшего детского писателя Мартина Андерсена Нессе в ирландского поэта-драматурга Шона О'Кейси... И теперь докажет всей моей жизни и работы побуждает меня вступить в ряды коммунистической партии».

Автор очерка «Дорога наверх», Вл. Рогов — корреспондент ТАСС в Лондоне. Долгое время он был корреспондентом в Китае, а последние годы находится в Англии.

«Переская параллели...»

Может быть, вам небезынтересно будет узнать, что первый советский дирижабль, «Химик-резинщик» был построен в 1923 году. Спустя семь лет на средства комсомольцев был сооружён дирижабль «Комсомольская правда», оперивший несколько удачных летворительных побед.

Если вы хотите подробнее ознакомиться с вопросами воздухоплавания и дирижаблестроения, прочитайте следующие книги: «История воздухоплавания и авиации в СССР», том I, глава VI;

Первоначальный проект дирижабля О. С. Готопича (один из первых русских конструкторов воздухоплавательных аппаратов).

К. Э. Циолковский — «Грезы о земле и небе»; Н. Стобровский — «Воздушный корабль»; Н. Ионов — «Дирижабли и их военное применение»; сборник «Стром эскадры дирижаблей имени Ленина»; В. Семёнов — «Современные дирижабли» («Журнал «Самолёт» № 11 за 1938 год); «О дирижаблях» («Журнал «Что читать» № 3 за 1937 год).

«Чувство природы»

«... В лесу тепло. Зеленеет трава, такая яркая среди серых кустов. Какое тропинка! Какая задумчивость, тишина! Кукушка начала куковать — первого мая и теперь осмелела. Бормочет тетерева на вечерней зорьке. Забьёт, как верёвочка, рыхлуют в прозрачных облаках. В темноте белесет берёзка...» Эти строки принадлежат одному из замечательных писателей.

М. М. Пришвин.

лей нашего времени, Михаилу Михайловичу Пришвину. Не устаёт бродит он по лесам и полям. Его зоркий глаз примет всё, чуткая душа уловит неслышимую прелесть окружающего нас мира, искусство большого и своеобразного художника делает виденное им достоянием народа. Аргумент по образованию, охотник, этнограф, краевед по призванию, но всю свою жизнь посвятил природе. Первая его книга, «В краю непуганых

птиц», изданная в 1906 году, положила начало ряду произведений, которые сделали М. М. Пришвина одним из любимых авторов нашей молодёжи.

Государственное издательство художественной литературы выпустило в 1944 году книгу М. М. Пришвина «Ибраирон», в которую вошли лучшие произведения писателя. Прочитайте её.

«Экспедиция на дно моря»

Сейчас лауреат Сталинской премии кинорежиссёр А. М. Згуриди снимает фильм по повести Джексона Лондона «Белый клык». Нашему соотечественнику А. Згуриди рассказали: — Мой съёмочная группа боль-

А. М. Згуриди.

ше подруга провела в глубокой тайге Алтайского края. Золото до начала съёмки картины «Белый клык» была организована своя зверо-партия. Некоторые звери, в том числе «горной» филиалы — волкомы, вырваны и воспитаны своей группой.

Ведущие роли в фильме исполняют артисты О. Жаков, Л. Свердлов, И. Плотников, О. Абдулов. Снимает фильм лауреаты Сталинской премии операторы В. Волчек, Г. Троицкий и В. Амеус. Музыка пишет композитор В. А. Орловский.

В ближайшее время работа над фильмом будет закончена, и советский зритель увидит на экранах инсценировку одного из лучших произведений Карло Гоцци.

«Фняби» Карло Гоцци

27 февраля 1922 года в Москве, в студии Художественного театра, которой руководил Е. Б. Вихтганг, состоялась премьера пьесы Карло Гоцци «Принцесса Турнадот». Присутствовавший на спектакле К. С. Станиславский сказал актёрам: «За 23 года существования Художественного театра таких побед было немного. Вы нашли то, чего так долго искали многие театры».

С тех пор блестящая пьеса итальянского драматурга, которую полюбилась заметка в «Календаре «Смена», выдержала многие сотни спектаклей».

СМЕНА Знаере

- Влад. Бонч-Бруевич — Мать Ленина.
- Здравствуй, незваный друг! Письма из-за рубежа.
- А. Величкин — Человек на песах.
- Георгий Дмитриев — Простая история.
- П. М. — Искусство Югославия.
- Евг. Рибичков — Переская параллели...
- Сергей Евсеев — Непубликованные стихи.
- С. Толстая-Евсеева — Во время строк.
- Вл. Рогов — Дорога наверх.
- Игорь Моисеев — Танцы народов.
- Акс. А. Морозов — Форпосты науки.
- Галина Томашевская — Новые поэмы.
- Стелан Шилачев — *.
- И. Рождественский — Радуга.
- Мысли и афоризмы.
- Минувшие встречи А. Патрова — Знакомство с Горьким.
- Мих. Пришвин — Чувство природы.
- Ольга Серова — Пробуждение озера.
- А. Згуриди — Экспедиция на дно моря.
- С. Григорьев — Как мы охотились за плезозавром.
- Т. Херт — Прежде он многого не замечал.
- Восхождение на Казбек.
- Вила Роджерс — Семая большая религия революции.
- Голос мудрости. Грузинские поговорки.
- «Первые жертвы» — фотосерия А. Житомирского.
- Календарь «Смена». Вокруг света. Копилка курьёзов. Викторина. Кроссворд. Для зоркого глаза.
- Рисунки художников Г. Алексеева, Г. Хропова.
- На первой странице обложки: «В зягсе» — фото Г. Борисова.
- На последней странице обложки: «В осенний день» — фотозод Вл. Микошич.
- На первой странице: «Взгляните на сталь» — фотозод А. Устинова.
- Оформление номера В. Урина.

Поэт Сергей Михалков написал
книгу современных басен.

«Перые жертвы».

Фотошарж А. Жигалова

